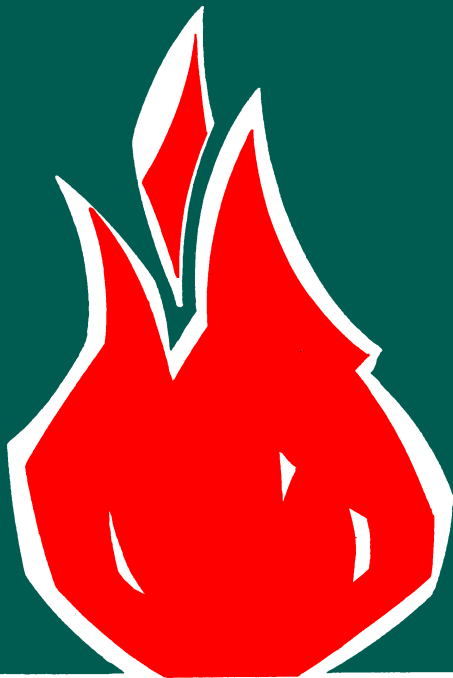
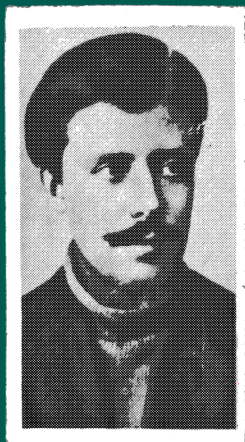

А. КОНОВАЛОВ

Революцией призванный

А. КОНОВАЛОВ

Революцией призванный

1971

Московский рабочий

О Владимире Архиповиче Барышникове, большевике-подпольщике, военном комиссаре, члене ВЦИК и о его товарищах по борьбе рассказывает эта книга.

Эта книга — о ленинце, делегате VI съезда партии, одном из руководителей Московской окружной партийной организации, активном участнике Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Эта книга — о большевике, принявшем мученическую смерть в тридцать лет, гибель которого в многотрудном 1919 году тяжело переживала Московская партийная организация.

Работая над книгой о В. А. Барышникове, автору посчастливилось встретиться с А. А. Барышниковым, Н. М. Алексеевой, К. Г. Юнкеровой, М. И. Петраковым, П. К. Силантьевым, С. М. Зрячкиным, В. Н. Барковым и другими старыми большевиками, которые лично знали Владимира Архиповича и работали с ним. Автор сердечно благодарит этих товарищей и всех, кто помог в розыске материалов и создании образа героя книги.

В конце марта 1920 года со всех концов страны съезжались в Москву делегаты IX съезда партии. Прошло два с половиной года гражданской войны. Тяжелое, трудное время пережила новая Россия. От молодой Советской республики были отрезаны Донбасс, Урал, Кавказ, районы угля, металла и нефти. Врагам Советской власти удалось захватить Украину, Сибирь, Поволжье — самые хлебные районы страны. Они кольцом окружали центр России и приближались к столице. То в одном, то в другом месте вспыхивали восстания, и плели сети заговоров эсеры и меньшевики.

К началу 1920 года натиск белогвардейцев и иностранных интервентов был отражен. Красная Армия покончила с Колчаком на востоке, с Деникиным на юге, с Юденичем и другими врагами на западе и севере. Правда, в Крыму еще сидел Врангель, а в Закавказье — англичане, но дело шло к полному освобождению Страны Советов. Правящие круги Англии, Франции и Италии были вынуждены прекратить блокаду молодого Советского государства.

Съезд открылся в Большом театре 29 марта. В этот день с отчетом Центрального Комитета вы-

ступал В. И. Ленин. Но прежде чем предоставить ему слово для доклада, председательствующий сказал: «Товарищи... наша партия в продолжение того года, который протек от прошлого съезда, представляла из себя боевую колонну, ударный батальон рабочего класса, и поэтому в рядах этой ударной колонны мы теперь не видим многих, кои еще были в наших рядах в прошлом году... мы, Коммунистическая партия России, понесли многочисленные жертвы как на фронтах внешних, так и на внутренних фронтах: т. Штернберг, т. Подбельский, т. Барышников, т. Восков, т. Ф. Калинин и многие и многие другие, работая во имя коммунизма, во имя торжества рабочего дела, погибли. Их память не умрет не только в умах рабочего класса России, но и в умах всего международного пролетариата. Их трудам, их страданиям и гибели, гибели многих товарищей мы обязаны тем, что наше дело побеждает во всем мире, что оно в России распространило Советскую власть от Черного до Белого моря и до Тихого океана. Предлагаю почтить память всех погибших товарищей вставанием»¹.

Делегаты встали, в зале наступила тишина. Склонив голову, стоял за столом президиума В. И. Ленин. Владимир Ильич хорошо знал Штернберга, Подбельского, Барышникова и других товарищей и вместе со своими единомышленниками чтит их память.

Барышников... В декабре 1919 года центральный орган партии газета «Правда» писала о нем: «Во время мамонтовского прорыва попал в плен к белым и вскоре повешен Деникиным Владимир Архипович Барышников.

Горячий темперамент, крайне левая, выдержанная линия поведения, сильная воля, непреклонная реши-

мость и вместе с тем простая, подлинно рабочая фигура — вот что сразу бросалось в глаза людям, знавшим тов. Барышникова.

Он был в Московском губернском комитете представителем Орехово-Зуевского района, того района, который с первых дней революции занял строго классовую точку зрения; никакие мелкобуржуазные идеи, несмотря на всякие попытки, там не прививались. И в этом, безусловно, не последняя заслуга тов. Барышникова.

В «Окружке» тов. Барышников был на первом месте: на конференциях всегда избирался членом губкома»².

Орехово-Зуево — город революционный. Здесь в 1885 году произошла знаменитая Морозовская стачка, причины и ход которой внимательно изучал и значение которой высоко оценивал В. И. Ленин. Он приезжал к местным социал-демократам спустя десять лет после этой стачки. -

В городе Морозовской стачки в самом начале XX века И. В. Бабушкин создал Орехово-Богородский комитет РСДРП, который одним из первых в России признал своим руководящим органом ленинскую «Искру». Пролетарии Орехово-Зуева героически сражались против самодержавия в годы первой русской революции.

Вскоре после Февральской революции местный Совет рабочих депутатов, в котором преобладали большевики, взял всю полноту власти в свои руки.

Город революционных традиций дал партии и народу немало большевиков-ленинцев, стойких борцов за коммунизм. Руководитель Морозовской стачки Петр Моисеенко, член ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Максим Рудаков, делегат V съезда РСДРП Елизавета Горячева, видный дея-

тель Московской окружной партийной организации Игнатий Бугров...

Руководителем ореховских большевиков в октябрьские дни и первые годы Советской власти был Владимир Барышников.

Буду таким, как он

Большее всех на свете Володя любил старшего брата Алексея. Он, конечно, почитал мать и ни в чем не прекословил отцу. Но матери, занятой работой и домашним хозяйством, было не до сына. А отец... Бывали дни, когда Володя боялся и не любил его.

Отец его, Архип Иванович, время от времени запивал. Обычно добрый и ласковый; в пьяном виде он становился злым, грубым, махал кулаками на притихшую мать и детей. Запой длился неделю-полторы. Когда же глава семьи приходил в себя, он не знал, куда девать глаза, становился хмурым и молчаливым, а порой униженно просил прощения. Это тоже не нравилось Володе: он любил людей сильных и гордых.

Алексей, имевший свою семью и зарабатывавший больше отца, в рот не брал вина. В отличие от многих обитателей казармы, он был грамотен, много читал, писал бойко и красиво. Рабочие одолевали его просьбами сочинить письмо, жалобу или прошение. Алексей Архипович, как величали его просители, сочинял письма и прошения, но не было случая, чтобы взял за это гривенник или принесенный заказчиком шкалик водки.

Его уважали в казарме и на фабрике. А для Володи не было ближе человека, чем брат. К нему он обращался со всеми вопросами — их было немало у одиннадцатилетнего подростка, — с ним делился своими мыслями и затеями и очень любил слушать его рассказы о Морозовской стачке.

И хотя о стачке старший брат рассказывал не раз, Володя всегда с большим вниманием слушал о событиях, участником которых был Алексей. Он представлял себе те январские дни, когда жизнь тихого местечка, каким было тогда Орехово, словно перевернулась, и закипело, забурило все, как в котле. На Английской улице и у фабрик маячили часовые, гарцевали казаки, а на фабричном дворе собирались тысячные толпы ткачей и прядильщиков.

Скуп и жаден был Тимофей Саввич Морозов, хозяин Никольской мануфактуры. Заморил рабочих штрафами. Они сговорились и отплатили ему стачкой, да такой, каких дотоле в России не бывало. В Никольское прибыли владимирский губернатор, начальник губернского жандармского управления, прокуроры из Москвы и Владимира. А с ними — солдаты и казаки.

Стачку подавили, но правды у рабочих не отняли. Судили забастовщиков и всех оправдали. Получилось, что виноватыми оказались не Петр Моисеенко с товарищами, а фабрикант Тимофей Морозов, его управляющие и мастера.

— Алеша, — спрашивал братишка, — а теперь у нас может быть стачка?

— Непременно будет, и не одна. Народ-то живет не лучше, чем тогда.

— А раз так, и я бастовать буду...

— Будешь, Аника-воин. В той стачке много ребятшек участвовало.

Такие беседы случались не столь часто, как хотелось Володе. Алексей работал по одиннадцати часов на фабрике. Нередко он уходил куда-то из дому и возвращался поздно. А где бывал, о том не знали ни жена, ни мать с отцом, ни младший брат.

Володя жил, как все казарменные мальчишки. Многие из них совсем не учились, рано определялись на работу, другие, окончив два отделения в школе, тоже шли на фабрику. И Володя, проучившись две зимы, должен был поступить на фабрику. Последнее свободное лето он часто бегал со сверстниками на Клязьму ловить рыбу и купаться. Иногда ночевал на берегу в шалаше. В конце лета ходил за клюквой.

На окраине Никольского, за казармами раскинулось темное торфяное озерко со смешным названием Плешка, за которым простиралось болото. Володя без страха пробирался по зыбкой, проваливающейся под ногами трясине, поросшей травой. Он знал самые ягодные места и приносил домой полные лукошки начинающей краснеть клюквы. Дома ягоды доходили, становились темно-красными, и зимой мать варила из них вкусный кисель.

Однажды, дело шло уже к осени, все собрались дома за столом. Отец, погладив младшего сына по голове, спросил:

— Ну как, сынок, что дальше делать-то будем? На фабрику бы надо идти.

Фабрика... Кирпичное, в три этажа здание. В нем Володя был всего лишь раз, с братом, но навсегда запомнил это посещение. Здание глухо и непрерывно гудело. Алексей дернул на себя обитую войлоком дверь, и шум, вырвавшийся изнутри, оглушил их. Они поднялись по блестящим, словно натертым маслом, чугунным

ступеням лестницы, вошли в цех, и шум сделался еще оглушительнее. Казалось, стены не выдержат его и вот-вот развалятся.

В темноватом помещении цеха ровными рядами, словно парты в школе, стояли машины. На полу, окнах, трубах — всюду белый пух. От него и одежда Володи стала белесой. Между машинами сновали работницы в рваных кацавейках. Брат подошел к человеку в лоснящемся от масла пиджаке, поговорил с ним и направился к двери. Заметив на лице мальчика испуг, он прокричал ему прямо в ухо:

— Оробел с непривычки? Ничего, приучайся помаленьку. Когда-нибудь придется здесь работать!..

Услышав от отца про фабрику и вспомнив оглушительный шум, усталых работниц, Володя хотел сначала решительно сказать «нет», но, подумав, послушно произнес:

— Как скажете, тятенька, так и будет.

Отец задумался, вздохнул тяжело:

— Сам знаешь, концы с концами еле сводим, и лишний работник семье не помеха. Да хочется, чтобы ты грамотным стал. И не гнул спину на фабрике, а был бы при чистом деле в конторе. Мать и Алексей жelaют, чтобы ты в школе все пять отделений прошел. Учитель тоже тебя хвалил. Пожалуй, перебьемся как-нибудь.

Осенью Володя снова пошел в школу. Учился он прилежно, вел себя тихо. Очень любил уроки арифметики, словесности и географии.

Летом, когда школьников распустили на каникулы, Володю определили на несколько месяцев подручным слесаря на механический завод С. Морозова.

Завод встретил его лязгом железа, грохотом кувалд, едким чадом горнов. В дыму и полумраке рабочие готовили землю и стержни, заливали и выбивали

литье, на руках переносили чугунные чушки в обрубное отделение.

Слесарь Михаил Петрович понравился Володе — высокий, поджарый, с усами над добрыми, улыбающимися губами. Он давал мальчику работу по силам и ворчливо ругал, когда тот брался за слишком тяжелый груз. Рассказав и показав, что и как надо делать, он обязательно произносил свою любимую присловицу: «Алём-пасе, готово дело». Видно, по этой причине рабочие между собой звали старого слесаря «Алём-пасе».

После первой смены Володя так устал, что дома даже не притронулся к еде, забрался на полати и, не раздеваясь, уснул. Но и во сне ему слышался лязг железа, пронзительный шум наждачных кругов и грохот молота. Со временем он привык к этому шуму, но уставал так же, как и в первые дни.

За неделю до начала занятий в школе он перестал ходить на завод. На заработанные деньги отец купил ему новые сапоги и гитару. Обновки обрадовали паренька, особенно гитара. Володя любил музыку и неплохо играл на струнных инструментах.

Дождавшись воскресенья, он взял гитару и вечером пошел в большой коридор. Там уже сидели Иван Сибирев с гитарой, Колька Фролов с гармошкой, два парня с балалайками. Ждали Федотика, самого искусного музыканта.

Ласково-уменьшительным именем Федотик звали сорокалетнего худощавого, низкорослого, с бабьим лицом мужчину. Работал он истопником, у него была большая семья, сам шестой. За топку печей платили мало, жил истопник бедно, но нрава веселого не терял. Где Федотик — там всегда весело. Дома у него голые стены и бедность. Единственной вещью, которую он берег пуще глаза, была старенькая скрипка, неве-

домо какими путями попавшая к нему. И хотя музыке Федотик не учился, играл так, что ни одна свадьба в рабочем районе без него не обходилась.

Пришел Федотик, достал из футляра скрипку, обер ее рукавом рубашки. Музыканты сели в кружок, настроили инструменты. Скрипач взмахнул смычком, и оркестр заиграл вальс. На музыку со всех сторон собирались люди.

Узкий, темный коридор словно расширился и посветлел. Мужчины играли в карты и шашки, женщины грызли семечки, молодежь танцевала. Но повеселиться вволю не удалось: пришел хожалый и, сославшись на запрет собираться и шуметь в казарме, разогнал всех. Ушел, бережно обняв гитару, и Володя.

Отца с матерью дома не было. Татьяна, жена Алексея, ушла в вечер на работу, двое их детей спали. Алексей сидел у стола, склонившись над книгой.

— Ты постели на полатах,— сказал он брату,— и ложись, а я немного почитаю.

Владимир приготовил постель, разделся и юркнул под сшитое из разноцветных кусочков старенькое одеяло. Он уже начал засыпать, когда тихо скрипнула дверь и раздался удивленный возглас брата:

— Максимушка! Вот радость-то какая!

Потом Володя услышал шум отодвигаемых табуреток и понял, что к брату кто-то приехал. Снова скрипнула дверь — это Алексей побежал в кухню за кипятком. Когда он вернулся, возобновился разговор.

Володя вслушался в голос пришельца: нет, этого человека он не знает.

Володя и не мог знать его. Мальчика не было еще на свете, когда восьмилетний Максим Рудаков поступил учеником мюльщика на фабрику Саввы Морозова.

Проработав несколько лет, он уехал в Петербург. И вот, после многолетней разлуки, он снова в Орехове у одного из своих товарищей.

Володя не спал. Лежа на полатах, он вслушивался в разговор, понимая далеко не все, о чем говорили брат и его гость.

Максим Илларионович рассказал, что из Орехова он подался в Питер. Думал, что в столице рабочему живется легче, чем у господ Морозовых. Устроился прядильщиком на фабрику Максвелла. Поработал и понял, что всюду на Руси одинаково тяжело рабочим людям. Везде за рубль норовят три шкуры снять. Но о переезде в Петербург Рудаков не жалел. Там познакомился он с людьми удивительными. С Иваном Васильевичем Бабушкиным, человеком бывалым, смелым и в политике грамотным. Он вовлек Рудакова в вечернюю воскресную школу, которая находилась за Невской заставой. Учительницей школы была Надежда Константиновна Крупская, большой души человек. Учила она не только наукам, но и объясняла, почему рабочим плохо живется, а фабрикантам — хорошо, и как эту несправедливость искоренить. Снабжала учащихся запрещенными книжками.

Понизив голос, Максим Илларионович рассказал, что вступил он в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Руководил им Владимир Ильич Ульянов, молодой, лет двадцати пяти, очень образованный и умный человек. Обхождением и манерами прост. И так все объясняет, словно в голову вкладывает.

Занимались в «Союзе борьбы» не только изучением книг. Организовывали стачки, печатали и распространяли среди рабочих листовки. Дело, конечно, рискованное — полиция следила. Да конспирация в «Союзе» была поставлена здорово, и не было у полицейских улик, чтобы в тюрьму упечь. И все же раз изло-

вили Максима, а за поясом у него — прокламации. Потом узнал он, что по доносу брали. Судили. Три года в «Крестах» отбыл, а оттуда выслали в Полтаву под гласный полицейский надзор. Но там тоже социал-демократы имелись, и нашлась ему работа. А теперь снова в родных краях. Долго здесь гостевать, правда, не придется: как узнают полицейские, дадут от ворот поворот. Но кое-что он успеет сделать.

— Как тут у вас? — интересуется Максим у старого друга.

— Кружков настоящих, что лет десять назад имелись, сейчас нет. У нас полиция тоже чисто вымела. Как до меня не добрались, ума не приложу.

— Ты приходи завтра в трактир Татарникова, потолкуем. Есть книги, прокламации.

— Приду.

Вскоре после ухода Рудакова вернулись из гостей мать с отцом. Володя долго не мог заснуть. Он вспоминал разговор брата с Максимом и старался понять незнакомые слова: «прокламации», «союз», «конспирация». И что это за воскресная школа, в которой учатся взрослые? И почему за прокламации сажают в тюрьму? Решил утром обо всем расспросить брата.

Спал Володя крепко и не слышал, как на рассвете ночной сторож прошел по коридорам, громко стуча колотушкой и выкрикивая: «На заработку поднимайся!» Не слышал, как встал и ушел на работу брат. Алексея он увидел только вечером, принаряженного, в новом пиджаке и вычищенных сапогах. Оглядев его с ног до головы, Володя хитровато улыбнулся:

— А я знаю, куда ты вырядился... В трактир Татарникова пойдешь.

— Откуда ты это знаешь?

— Не спал я вчера и слышал, как ты с Максимом разговаривал. А почему он от полиции прячется?

— Подслушивать нехорошо, и о разговоре этом забудь. Максим хороший человек. Он на большой дороге не разбойничал и не крал. За правду такие, как он, стоят. Нас тут тысячи работают, живем впроголодь, а господа Морозовы прибыли лопатой загребают. Справедливо это, по-божески? Максим, как и Моисеенко, борется за то, чтобы все равно жили, чтобы один другого не обижал.

— А что такое прокламации, союз?

— Время придет — обо всем узнаешь. Только чур, никому ни слова об этом разговоре и о том, что Максим Рудаков у нас был. А то и его и меня в тюрьму упекут.

— Не бойся, Алеша! Да если меня три палача пытать будут, я ни словечка не скажу...

Этот разговор еще больше сблизил братьев. Володя почувствовал, что старший брат доверяет ему самое сокровенное.

Максим Илларионович повидался с рабочими, узнал их настроения. Вскоре на квартире его брата, где Рудаков остановился, начали проходить собрания рабочих. На этих собраниях всегда бывал Алексей Барышников. Здесь читали нелегальную литературу, Максим рассказывал о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и о необходимости объединения рабочих в борьбе с капиталистами. Рассказывал он и о Владимире Ильиче Ульянове. Со временем многие участники этих сходов стали активными членами РСДРП.

По просьбе брата Володя не раз дежурил у дома, где собирались рабочие. Если появится чужой, он должен был дать условный сигнал.

Полиция уже искала Рудакова. Вскоре во Владимир пришла депеша, что поднадзорный М. И. Рудаков появился в Орехово-Зуеве и ведет агитационную деятельность: собирает тайные кружки, читает прокламации и запрещенную литературу, произносит крамольные речи.

Однажды по дороге в школу Володя повстречал Максима Илларионовича. Тот отвел его в сторону и, оглядевшись, значительно сказал:

— Передай брату, что нас выследили. Пусть придет в Зуево, он знает, куда.

Вечером от Алексея Володя узнал, что 3 марта 1901 года жандармский ротмистр Арцыбашев произвел обыск в квартире Рудаковых. Обыскали весь дом. Снимали с полок и вынимали из иконостаса иконы, сдирали со стен обои, выламывали полы. Даже на чердаке копались. Но ни запрещенных книг, ни прокламаций не нашли.

Вскоре Максима Рудакова вызвал к себе ротмистр Арцыбашев.

— Ты опытный человек,— начал допрос ротмистр,— конечно, все будешь отрицать и ни в чем не сознаешься. Давай лучше поговорим откровенно.

— Откровенность за откровенность. Скажите, кто меня выдал, и я расскажу, какую привозил литературу.

— Как угодно, но мне известно все. Известно, что в двенадцать часов дня ты встретил с московского поезда приезжего организатора.

Ротмистр самодовольно откинулся в кресле и в упор посмотрел на Рудакова. Тот, не моргнув глазом, спокойно ответил:

— Литературу привозил я. Приехал из Полтавы к родным. В Малороссию был выслан как социал-демократ. Кто состоит в кружке — не скажу. А имена

предателей я знаю — это Агапов и Дмитриев. Вы сами их выдали с головой. Ваши агенты плохи. Никакого организатора я не встречал, его и на свете не существует. Это вымысел, переданный мной Агапову и Дмитриеву. Теперь, ротмистр, нам обоим все ясно, и я больше ничего не скажу...

Рудаков получил предписание выехать из Орехово-Зуева в течение двадцати четырех часов.

У Барышниковых обыска не было, но Алексей еще раз предупредил Володю, чтобы тот держал язык за зубами.

Около месяца брат все свободные вечера проводил дома. Занимался со своими малышами, играл с Володей в шашки или сапожничал. А в апреле, когда солнышко начало прогревать землю и с железнодорожного полотна сошел снег, Алексей вновь начал пропадать по вечерам. Володе хотелось спросить, не дядя ли Максим вернулся, но он уже понимал, что такое конспирация, и терпеливо дожидался, когда понадобятся его услуги.

Ждать пришлось недолго. Как-то Алексей спросил, знает ли он ткача Игнатия Бугрова.

— Знаю, он библиотекарем в Обществе трезвости работает.

— Вот-вот. Завтра после школы зайдешь в библиотеку и скажешь ему, что от меня за книгами пришел. Получишь и принесешь книги мне на фабрику, к концу смены. Только спрячь их хорошо и никому не показывай.

Невысокого, коренастого Игнатия Васильевича Володя знал: он бывал у брата. Знал, что вот уже с месяца Игнатий Васильевич выдает книги в библиотеке Общества трезвости. А почему Бугров, никогда не

имевший тяги к спиртному, усердно посещает Общество трезвости, этого Володя не знал.

Объяснялось все просто. Весной 1901 года в Орехово-Зуево по заданию В. И. Ленина приехал агент «Искры» и ее активный корреспондент И. В. Бабушкин. Он организовал марксистский кружок, занятия которого посещали И. Бугров и А. Барышников. Общество трезвости, имевшееся в Орехово-Зуеве, пользовалось покровительством местных фабрикантов и полиции. Они надеялись при помощи его отвлечь рабочих от политики. Бабушкину пришла мысль использовать это Общество в пропагандистских целях. По его заданию Бугров и устроился туда библиотекарем. С тех пор в этой библиотеке социал-демократы стали хранить и через нее распространять нелегальную литературу. Бугров даже ухитрялся на деньги, отпущенные для приобретения духовно-нравственных и лубочных книг, закупать революционные брошюры.

После школы Володя забежал в библиотеку. Увидев там посетителей, он отошел в сторону и стал рассматривать развешанные на стене картинки с изображением страшного суда. Когда помещение опустело, он подошел к библиотекарю и сказал, кто и зачем его послал. Бугров дал ему две тоненькие книжицы, посоветовал спрятать подальше и заговорщически подмигнул на прощание.

Володя тайком перелистал обе книжки и обнаружил в них вчетверо сложенные тонкие листы газеты «Искра». Потом он не раз ходил в библиотеку и приносил книги, газеты и прокламации.

Иногда брат советовал ему прочитать в газете статью, подчеркнутую карандашом, и парнишка с удивлением читал о своем родном городе. В газете описывались рабочие казармы, где в каморке живут по две-три семьи, где воспрещается собираться группа-

ми и рассуждать о чем-либо, даже читать вслух. «Все точно! — изумлялся Володя. — Но кто же это пишет? Ведь брат сказал, что печатают газету за границей».

В одном из номеров он прочитал заметку из Орехово-Зуева, в которой говорилось: «Искра» у нас читается нарасхват, и сколько доставлено, вся находится в ходу. Благодаря ей чувствуется сильный подъем рабочих. Особенно много толкуют по поводу статьи по крестьянскому вопросу в № 3, так что требуют доставить этот номер. А на частном собрании рабочие выражали желание, чтобы «Искра» напечатала еще несколько статей по этому вопросу. Много суждений по поводу столкновений рабочих с полицией и войском в Санкт-Петербурге. Ореховские рабочие не заблуждаются, если говорят, что тут такое столкновение будет, но что оно будет более жестоким и что, идти против вооруженной силы с пустыми руками не следует...»¹.

— Кто же так хорошо пишет о нас в газету?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — отшутился брат.

Он не мог рассказать Володе ни про Бабушкина, ни про созданный им Орехово-Богородский комитет РСДРП. Не мог потому, что организация была строго законспирирована. Каждый член комитета вел агитацию среди рабочих, вовлекая их в партию и организуя кружки числом от трех до пяти человек. Члены комитета руководили марксистскими кружками, распространяли литературу, собирали деньги.

Полиция сбилась с ног в поисках «крамольников». Ее возмущали печатаемые в «Искре» корреспонденции из Орехова, Богородска и других подмосковных городов, приводили в ярость обнаруживаемые у рабочих экземпляры газет.

Да и было отчего нервничать жандармскому рот-

мистру Арцыбашеву: среди бела дня в селе Зуеве, местечке Никольском и погосте Орехово, под самым носом у полиции действуют социал-демократы. Ясно, что во главе их — опытный организатор, человек недюжинного ума.

Чутье не обманывало ротмистра. Распространением «Искры», сбором для нее материалов и организацией социал-демократических кружков ведал по поручению В. И. Ленина И. В. Бабушкин. Ему было двадцать семь лет, он уже не раз арестовывался, прошел через камеру-одиночку, ссылку, овладел сложной техникой конспирации.

Вместе с женой Прасковьей Никитичной Бабушкин поселился в уездном городе Покрове. Выдавая себя за коммивояжера по продаже тканей, он закатывал в образцы мануфактуры по несколько номеров «Искры» и пешочком отправлялся из Покрова в Орехово. Шел большим хвойным морозовским лесом, напевая припев старой песни «Прощай, мой друг, товарищ». Его каждый день подстерегала опасность, но Иван Васильевич был неизменно бодр и весел.

Летом рабочие собрания проводились в лесу. Ближе к зиме начали подыскивать для этих целей помещение. По решению комитета рабочий Климентий Константинович Лапин снял на Новой стройке, недалеко от вокзала, просторную квартиру в доме Шанина. Она и служила местом для собраний.

Сборы ореховской организации стали частыми и многолюдными. На них Алексей Барышников брал с собой младшего брата, который дежурил у дома, где собирались социал-демократы. Володя знал в лицо всех участников собраний, не раз видел и Бабушкина, не догадываясь, что именно он — автор корреспонденций в «Искре».

На 23 декабря было назначено очередное собрание в квартире Лапина. Алексей не мог на нем присутствовать и послал Володю подежурить у дома. Когда все собрались, на крыльце появился Климентий Константинович и шепнул «часовому»:

— Вроде все тихо, а мороз крепчает. Беги-ка домой, пока совсем не продрог.

Володя не спеша пошел вдоль железнодорожного полотна к своей казарме, но, пройдя немного, услышал скрип полозьев по снегу и громкие голоса. Повернув обратно, увидел, что к дому подъехали полицейские. «Не успел,— пронеслось в его голове,— подвел людей. И зачем я только послушался дяди Клима! Что делать? Бежать к Лапину — все равно не помогу. Надо предупредить Алексея». Приняв такое решение, он побегал на фабрику, вызвал брата и скороговоркой проговорил:

— У Лапина полицейские. Не ходи туда!

— Беги домой и спрячь газеты, что лежат за божницей.

Как выяснилось позже, Арцыбашев подослал к кружковцам провокатора, который и выдал полиции день и час собрания.

В то время как Володя мчался на фабрику, полицейские поднялись по крутой лестнице вверх и вошли в квартиру, состоявшую из трех комнат, кухни и чулана. В одной из комнат они увидели несколько ореховских рабочих и неизвестного человека, не пожелавшего назвать себя. Перед ним на маленьком столике и подоконнике лежали книги запрещенного содержания.

В ту ночь полиция побывала у многих рабочих. Сразу после арестов в квартире Лапина Арцыбашев поехал в казарму, где жил И. В. Бугров.

В каморке с казенной морозовской мебелью было чисто. На стенах — царские портреты, иконы, листовки

Общества трезвости. На шкафу — книги духовно-нравственного содержания. Начался обыск.

— Зря стараетесь, — улыбнулся Игнатий Васильевич, — политикой не занимаемся. Тихо, смирно живем. Разве не видите?

Но жандарм чуял, что царские портреты и иконы — маскировка. После тщательного осмотра он нашел том «Капитала» Маркса.

— А это откуда? Из библиотеки трезвенников?

— Купил в магазине Палладина, чтобы научиться наживать капиталы.

— А это? — спросил ротмистр, развертывая номер «Искры». — Одевайтесь!

Вечером Алексей рассказал брату об арестах. Не скрыл, что его, Алексея, судя по всему, тоже арестуют.

— Всего этого надо было ждать, но нельзя простить себе ареста Бабушкина, — сокрушался старший брат. — Какого человека в лапы полиции отдали!

— А кто он, Бабушкин? — спросил Володя.

Брат рассказал ему о рабочем-революционере, агенте «Искры». Узнав о полной опасностях жизни и работе этого человека, о его храбрости, уме и находчивости, Володя очень серьезно сказал:

— Хочу быть таким, как он.

Барышникова жандармы не обошли. Поздним вечером в его каморку громко постучали.

— К Барышниковым полиция, — передавали друг другу собравшиеся в коридоре перепуганные жильцы.

Топанье сапог и громкие голоса разбудили детей, которые, увидев незнакомых, разбрасывающих вещи, громко заплакали.

— Унеси их к соседям, — посоветовал Алексей жене.

Зашлась слезами мать, Елена Ивановна. Архип Иванович утешал ее, говоря, что скоро все выяснится, поэтому как Алексей — человек тихий и смирный.

Володя смотрел растерянно то на брата, то на полицейских и понятых и вспоминал слова Алексея, что революционер должен быть готовым ко всему — к тюрьме, ссылке и даже смерти.

— Только нас больше, чем полицейских, и всех не перевешают, — говорил он Володе.

Обыск ничего не дал, но А. А. Барышников арестовали. Новый, 1902 год он, Бугров и их товарищи встретили в тюремной камере. Были арестованы все члены районного комитета РСДРП во главе с И. В. Бабушкиным.

Когда братья прощались, Алексей тихо спросил:

— Как жить-то без меня будешь, братишка?

— Так же, как жили ты и Бабушкин, — шепотом ответил ему Владимир.

Пройдет почти десять лет с тех пор, как были сказаны эти слова. Владимир Барышников станет взрослым. За плечами его будет участие в первой русской революции, ссылка, одиночная камера Таганской тюрьмы и еще ссылка. В своей работе большевик Владимир Барышников будет не раз вспоминать И. В. Бабушкина, о дальнейшей судьбе которого он долго ничего не знал.

Лишь в 1911 году, в ссылке, в его руки попадет некролог, написанный В. И. Лениным. Из него он узнает о трагической гибели И. В. Бабушкина. Узнает о том, что после ареста 1901 года в Орехове Бабушкин был заключен в тюрьму, бежал, перепилив решетку окна, добрался до Лондона, где тогда находилась редакция «Искры». Выполняя задание вождя, он вернулся в

Россию. В 1903 году его арестовали и сослали в Сибирь. Узнав о начале первой русской революции, Бабушкин приехал в Иркутск, стал членом Иркутского комитета РСДРП.

Подготовка вооруженного восстания в Сибири была его последним революционным делом. Во время перевозки оружия Бабушкина и его боевых товарищей арестовали. Революционера подвергли пыткам на допросах, он не ответил ни на один вопрос и не назвал даже своего имени. Он погиб неизвестным...

Барышников хорошо запомнил ленинские слова: «Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...»²

Эти слова вселили в Барышникова гордость: ведь и он среди тех сотен тысяч, которые продолжают дело Бабушкина.

Конторский мальчик

После ареста Алексея дома стало тихо, как бывает, когда в семье покойник. Отец не пил, но был молчалив и раздражителен. Мать чаще, чем обычно, подходила к углу с иконами и молилась, украдкой вытирая кулачками сухих рук слезы. Не находила себе места жена Алексея, Татьяна. Она убивалась о мужа и тревожилась о детях.

Как-то под вечер к Барышниковым зашел незнакомый человек, назвавшийся Иваном. Поговорив с

Татьяной о житье-бытье, он передал ей деньги, сказав при этом:

— Алексей страдает за рабочих, и они его не забудут. Каждый месяц мы будем оказывать вам денежную помощь. Муж ваш в ссылке. Не горюйте, скоро приедет.

Потом он приходил еще несколько раз, всегда принося с собой гостинцы малышам и немного денег Татьяне. Володя пытался с ним поговорить, намекая, что он помогал Алексею в его делах, но разговор не получался.

— Мал еще политикой заниматься, — сказал Иван, потрепав подростка по голове. — Подрастешь — и найдешь свое место.

Постепенно жизнь вошла в обычную колею. Как и прежде, Володя ходил в школу, играл с детишками брата.

Все было, как при Алексее. И казарма прежняя: темные, длинные коридоры, мрачные, словно тюремные казематы, каморки, худенькие дети и усталые, плохо одетые рабочие. Да и вся вотчина Морозовых походила на военное поселение времен Аракчеева: кирпичные, словно по ранжиру поставленные казармы, пустынные улицы, на которых маячили городовые. И товарищи у Володи были прежние, только многим было не до мальчишеских игр и забав: они уже работали на фабрике. Все, как прежде, но не хватало ему старшего брата, разговоров с ним и тех поручений, которые он выполнял. Он еще не осознал всей важности дела, которым занимались Бабушкин, Бугров, Алексей и их товарищи. Володю больше привлекала романтическая, таинственная сторона дела, но он уже верил этим смелым людям и очень хотел походить на них.

Не только подросток Барышников ощущал эту не совсем понятную ему пустоту. Подобное чувство было

знакомо многим сознательным рабочим того времени. После арестов 1901—1902 годов Орехово-Богородская социал-демократическая организация распалась на мелкие, не связанные воедино кружки и утратила связь с Московским комитетом.

Жизнь между тем шла своим чередом. В 1903 году Владимир с похвальным листом окончил двухклассное училище. Хорошие успехи и прилежание, ходатайства учителей помогли осуществиться мечте его родителей: Владимира приняли конторским мальчиком в главную контору Никольской мануфактуры Саввы Морозова.

Контора поразила его строгостью и порядком. В чистых светлых комнатах за столами сидели бородатые конторщики в поддевках и кафтанах. Вразнобой стучали счеты. На полках стояли бухгалтерские книги, альбомы с образцами тканей и хлопка. Стены были увешаны диаграммами и выцветшими фотографиями служащих. На самом видном месте — портрет царя.

Как и всякого конторского мальчика, сначала его использовали на посылках. «Принеси, отнеси, одна нога там — другая здесь», — слышал Володя со всех сторон. И он носил бумаги из кабинета в кабинет, доставлял с фабрик толстые бухгалтерские книги. По одному слову старших мальчик стремглав мчался в лавку за колбасой или булкой, разносил по конторе чай с бутербродами.

Постепенно он свыкся с новой обстановкой, знал, от кого ждать щелчка или подзатыльника, от кого доброго слова. Разные люди служили в конторе. Грозой для всех был директор отбельно-красильной фабрики Сергей Александрович Назаров, грузный лысеющий мужчина. Он любил яркие галстуки, которые закалывал золотой булавкой с большой, матово сиявшей

жемчужиной. К нему с трепетом входили в кабинет, почтительно кланялись, когда он, крупный и важный, чинно шествовал по коридору. За глаза же Назарова называли охальником и шпионом. Владимир сам слышал, как один служащий говорил другому, что Назаров самого Саввы Тимофеевича не боится. Причина тому — покровительство Марии Федоровны Морозовой, матушки директора правления Никольской мануфактуры. Она-то и была подлинной хозяйкой фабрик — по завещанию муж ей оставил бóльшую долю паев, а сыну Савве лишь пятую часть. Мария Федоровна, женщина набожная и строгая, не верила никому, сына же своего, знающего с Горьким и революционерами, не любила. Она окружила его шпионами, главный из которых — Назаров.

Володя, как и все служащие конторы, боялся Назарова, старался пореже попадаться ему на глаза. Когда же приходилось идти к господину директору в кабинет, Володя тщательно приглаживал свои густые, непокорные волосы, одергивал рубашку, аккуратно расставлял на подносе чай, сахарницу, тарелочку с булочкой.

По-отечески относился к сообразительному и расторопному мальчику счетовод Владимир Иванович Будкин, невысокий, с доброй улыбкой на широком лице. Дело свое он знал превосходно и, считая на счетах, шутя мог отстучать «камаринскую» или «Ах вы, сени мои сени».

Как и другие конторщики, Будкин посылал Володю в лавку, а когда мальчик приносил ему завтрак, усаживал его рядом с собой и угощал. После работы, когда все служащие расходились, Владимир Иванович оставлял мальчика в конторе и учил быстро и правильно считать, вести учет в конторских книгах. Старого счетовода радовали успехи Володи и, глядя, как

быстро летают костяшки на счетах ученика, он приговаривал:

— Ремесло плеч не тянет, а в жизни всегда пригодится.

Впоследствии, когда В. А. Барышникову пришлось, выполняя поручения партии и скрываясь от полиции, странствовать по городам России, он часто вспоминал старого счетовода. Работой по бухгалтерской части он обеспечивал семью куском хлеба.

На посылках Володю продержали с полгода, а потом посадили за стол учитывать паспорта — принимать от рабочих «виды на жительство» и делать соответствующие записи в конторской книге. Работа эта ему нравилась. Он знакомился с людьми, поступавшими на морозовские фабрики, узнавал, откуда они, где будут жить и чем заниматься.

Став служащим, Владимир не возгордился и по-прежнему все свободное время проводил со своими сверстниками — ткачами или прядильщиками. От казарменных парней он отличался начитанностью и кротким нравом. Владимир не курил и не знал вкуса вина, не играл в «орлянку», не участвовал в побоищах стенка на стенку, которые происходили между ореховскими и зувевскими рабочими. Зато на вечеринках был первым: хорошо пел, играл на гитаре, а уж в кадрили кавалера лучше, чем он, было не найти.

На одной из вечеринок молодой конторщик познакомился с Машей Затравкиной. Невысокого роста худенькая девушка работала ткачихой, жила в первой казарме, на Крутом. Красотой среди подруг Маша не выделялась, но Владимиру пришлось по душе ее застенчивость, кроткий взгляд глаз и ласковый голос.

И раньше, до знакомства с Машей, Владимир часто ходил на танцы. Теперь он шел на вечеринку, ожидая встречи. Когда Маша не работала и приходила, он

танцевал только с ней. Если же ее не было среди танцующих, Владимир брал в руки гитару и, поиграв немного, уходил домой. Они подружились...

Летом, с наступлением тепла, многие жители тесных каморок переселялись в балаганы, деревянные сараи с погребами и вешалами для сушки белья, стоявшие рядом с казармами. Владимир тоже спал в балагане. Как-то, возвращаясь с гулянки в летнюю спальню, он взглянул на окно своей каморки. Его удивили горевший свет и громкие голоса, раздававшиеся через приоткрытое окно. В это время дома обычно спали.

Через кухонное крыльцо он вошел в коридор. Открыв дверь, увидел стол с дымящимся чайником и закусками. За столом сидели родители, Татьяна с детьми, а в углу — Алексей.

— Братушка приехал! — закричал Владимир и бросился к нему. — Насовсем или на побывку?

— Насовсем, насовсем. Садись за стол, еще наговоримся, — улыбался брат.

Они обнялись, расцеловались. Володя сел за стол. Сидели долго, разговаривали, чтобы не беспокоить уснувших детей, шепотом. Потом стали укладываться спать. Владимир, отправляясь в балаган, попросил брата на другой день никуда не уходить.

— Татьяне на заработку вставать, — успокоил его Алексей, — провожу ее и приду к тебе досыпать.

На рассвете Алексей постучал в балаган и, поднявшись по деревянной лесенке вверх, улегся рядом с братом. Обоим было не до сна. Алексей рассказывал о ссылке, о своем житье в Сибири. А когда пришло время вставать, он спросил Владимира:

— Ты теперь в конторе служишь. Как думаешь, устроюсь я на работу?

— Сейчас война, заказов много, а рабочих не хватает. Устроишься.

Алексея приняли на отбельно-красильную фабрику, на прежнюю должность — складальщиком товара. Отработав смену, он приходил домой и занимался по хозяйству: сапожничал или набивал обручи на кадки под капусту и огурцы. Так продолжалось с месяц. А потом Алексей снова начал приходиться домой поздно.

— Опять за старое взялся,— ворчал отец.— Смотри, не сносить тебе головы. Жену и детей пожалей.

Татьяна не укоряла мужа, но, когда он приходил поздно, молча смотрела на него большими испуганными глазами. Владимир тоже не расспрашивал Алексея, где он бывает. Он ждал, когда брат позовёт его.

Однажды Алексей пригласил брата в трактир.

— А чего нам делать там? — удивился Владимир.

— Не вино пить приглашаю. Дело есть. Да и пойдем в трактир Общества трезвости.

Трактир этот находился в Зуеве, недалеко от моста через Клязьму. Социал-демократы нередко избирали его местом для своих встреч. Село Зуево, входившее в состав Московской губернии, не имело своего жандармского управления: оно находилось в Богородске. Службу в Зуеве нес жандармский фельдфебель, который не мог усмотреть за всеми. А в Никольском, относившемся к Владимирской губернии, находилось жандармское управление, от бдительности которого укрыться было трудно.

Учитывали подпольщики, что трактир Общества трезвости пользовался покровительством полиции и духовенства. Конечно, пастыри и полицейские чины, посещавшие его, пили здесь не только чай с баранками. Несмотря на запрет торговли водкой, бойкие полковые разносили ее, предварительно перелив из бутылок в чайники. Попивая такой «чаек», полицейские никак

не могли предположить, что сидящие рядом рабочие договариваются о проведении массовок.

Устраивало рабочих, что половые, обычно связанные с полицией, здесь были надежными. Их набирали из текстильщиков, довольно-таки поработавших на фабриках. Такие на своих не доносили.

Володя вошел вместе с братом в трактир и оглядел темное помещение. Рядом с буфетом висели лубочные картины на благочинные сюжеты. За стойкой хозяйничал человек с желтым, как лимон, неподвижным лицом, на котором выделялись быстро бегающие глазачелки.

Братья заняли места за столиком. Вскоре к ним подсели двое. Один из них, одетый в пиджак и белую рубашку, был знаком Владимиру: Степан Андреевич Терентьев бывал у них дома и на собраниях. Работал он на ткацкой фабрике, жил на вольной квартире в районе Новой стройки. Спутника его, высокого человека в косоворотке, Володя видел впервые.

Заказав чай с ситным и баранками, они заговорили, перебегая с темы на тему. Убедившись, что никто на них не обращает внимания, Степан Андреевич сказал негромко, показывая глазами на незнакомца:

— Товарищ из Москвы. Зовут Федором. Будет выступать на массовой в воскресенье. Надо людей пригласить и размножить вот эту листовку.

Обговорив все, связанное с проведением массовой, они рассчитались и разошлись. В кармане у Владимира лежала листовка.

Три вечера до позднего часа Владимир под копирку крупными печатными буквами писал листовки.

— Может быть, расклеить их? — предложил он Алексею.

— Не надо. Это сделают другие.

В воскресенье, когда солнце склонилось к западу,

рабочие потянулись к Клязьме. Перейдя речку по дощатым лавам, они направлялись к Старой мельнице, где обычно проводились массовки. Шли группами и поодиночке. Гремели чайники и бидоны, шелестела бумага в сумках с провизией.

Перейдя быструю речушку Дубенку по бревну, перекинутому с одного берега на другой, рабочие прошли частый кустарник и вышли на большую поляну, заполненную людьми. Горели костры, закипали висевшие над ними чайники. Женщины раскладывали провизию. Заиграла гармошка, слышались песни.

Когда начало темнеть, на пень поднялся высокий мужчина в светлой косоворотке и наброшенном на плечи пиджаке. Владимир признал в нем товарища Федора из Москвы, который сидел с ними в трактире.

Приехавший прежде всего предупредил собравшихся: если появятся казаки или полиция, надо спокойно уходить к Клязьме или в кустарники, в болоте и лесу казак не ездит.

— Знаем, не впервые,— раздались голоса.— Начи-
най доклад!

Человек в косоворотке говорил о тяжелом положении российского пролетариата, о необходимости вести борьбу против самодержавия, сообщил последние политические новости. Говорил он о поражении царизма в русско-японской войне и о неизбежности революции.

Когда стали расходиться, к Владимиру подошла знакомая ткачиха Лиза Горячева со староткацкой фабрики. Она сунула ему листовку, сказав:

— Сам прочитай и другим передай. Да аккуратно сделай!

Владимир хотел было сказать, чтобы она не очень задавалась, он сам листовку эту писал. Но, вспомнив брата, промолчал. Дома он спросил у Алексея:

— А Лиза тоже политикой занимается?

— Она член Российской социал-демократической рабочей партии.

— А я?

— Не спеши, всему свое время.

Стачка

Новый, 1905 год в Орехово-Зуеве встречали по-разному. В семьях купцов, служащих и богатых обывателей пили за здоровье генерала Куропаткина, провозглашали тосты за победу, а захмелев, пели:

Куропаткин-генерал
Всех японцев разогнал.

Гудели колокола в церквях, и попы в нарядных ризах провозглашали победу над внутренними и внешними врагами.

Рабочие елок не рядили и встреч Нового года не устраивали. Днем ходили друг к другу в гости. Разговор начинался обычно с родных и знакомых, находившихся в Маньчжурии. Проклинали войну и ее зачинщиков. Сетовали, что жить все труднее — харчи вздорожали, а заработки убавились. Вспоминали арестованных и сосланных — хорошие люди, за народ страдают.

Говорили тихо. В казармах шныряли жандармы, городовые, обходные, которые ловили каждое дерзкое слово и доносили куда следует.

Но революция надвигалась, и ничто не могло предотвратить ее.

Узнав из газет о расстреле в Питере 9 января мирного шествия рабочих к царю, ткачи заволновались. На фабриках Викулы Морозова началась забастовка.

Правление пригрозило забастовщикам увольнением, и рабочие через день пустили станки.

Эта забастовка насторожила правление саввинских фабрик (так называли фабрики Саввы Морозова в отличие от предприятий, принадлежавших Викуле Морозову). Чтобы отвлечь рабочих от беспорядков, 6 февраля отслужили торжественный молебен с водосвятием о ниспослании России победы в войне с японцами. Послали телеграмму генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину с пожеланием победы над врагом и заверениями, что «не оскудела еще святая Русь сынами, готовыми положить свою жизнь за благо родины». Но хмуро и мрачно выглядели лица прихожан, не желавших, чтобы их сыновья проливали кровь за интересы царя, помещиков и фабрикантов.

В феврале на Никольской мануфактуре заканчивались выборы фабричных старост. Институт старост действовал на основании закона от 10 июня 1903 года, по которому фабрично-заводские старосты должны были держать связь с администрацией «по делам, касающимся условий найма и увольнения, а также быта рабочих».

В числе выбранных фабричных старост Никольской мануфактуры оказался и Алексей Архипович Барышников. Узнав об этом, Владимир поздравил брата и рассказал ему о случае, свидетелем которого был.

Однажды, когда он находился в кабинете Назарова, туда вошел Савва Тимофеевич, приземистый, круглоголовый, с коротко подстриженными волосами и реденькой бородой, с узкими, раскосыми, как у татарина, глазами. Разговор зашел о выборе фабричных старост. Не обращая внимания на конторского мальчика, хозяин спросил Назарова, почему затянулись

выборы. Тот ответил, что, по его мнению, их вообще проводить не следует. Морозов затрясся от гнева, накричал на директора и вышел, хлопнув дверь.

Алексей Архипович подтвердил, что Савва Тимофеевич — странный, противоречивый человек. Когда он в первый раз собрал фабричных старост, один из них упал хозяину в ноги. Савва брезгливо поморщился и помог ему подняться. С Алексеем Архиповичем он беседовал несколько раз и намекнул, что ему известна его принадлежность к РСДРП. В другой раз Морозов сказал Алексею Архиповичу, что среди социал-демократов есть полицейский осведомитель. Сказал не прямо, а словно невзначай заметил, что, видимо, о разговорах с хозяином Барышников сообщает своим товарищам. Полиции тоже известно об этих беседах. Откуда?

— Подумайте сами,— хитровато сощурил глаза Савва Тимофеевич. Он посоветовал Барышникову больше к нему не заходить, но предостережения не забывать.

— Провокатора мы потом нашли,— продолжал свой рассказ Алексей Архипович,— значит, прав был хозяин. Он умный, недаром с ним Горький дружит. Только сил у него маловато. Будет заигрывать с рабочими, отнимет у него мать фабрику, вот и все.

Так оно вскоре и случилось.

13 февраля старосты обсуждали предстоящие им дела. А. А. Барышников затронул вопрос о наградных, которые дают только служащим. Порешили пригласить хозяина и совместно обсудить вопрос о выдаче наградных рабочим к пасхе.

Савва Тимофеевич, только что приехавший в Орехово из Москвы, не пожелал идти к рабочим, а предложил на другой день встретиться у него. Старосты, к которым присоединились рабочие, пошли к хозяину.

Двери дачи им не открыли, Морозов к рабочим не вышел. Еще раз постучали в ворота, никто не отозвался. Внезапно со свистом и гиком к даче подскакали астраханские казаки во главе с исправником Безобразовым. Избиения не произошло, но и встреча с хозяином не состоялась.

На другой день рано утром старосты собрались в кабинете С. Т. Морозова и предъявили ему свои требования. Пытаясь предотвратить начинающуюся забастовку, Морозов согласился сделать мелкие уступки. Повысить зарплату он отказался, сказав, что вынесет этот вопрос на обсуждение правления.

Пожилые рабочие, доверявшие хозяину, были довольны. А. А. Барышников, другие партийцы и молодежь почувствовали, что Морозов хитрит, и открыто сказали ему об этом. Савва Тимофеевич рассердился и ушел из кабинета. Вместо него к рабочим вышел в сопровождении полицейских владимирский вице-губернатор Сазонов.

— Что здесь за сборище? Кто разрешил? Почему сидите, когда с вами разговаривают?

Рабочие продолжали сидеть и молчали. Вице-губернатор рассвирепел и пригрозил арестом. Старосты, оттолкнув полицейских, направились к дверям. В тот же день рабочие забастовали.

С. Т. Морозов собрал правление, но старуха Морозова на него не приехала. Без нее пайщики не посмели принимать решения. Савва Тимофеевич поехал к своей матушке. Приняла она его холодно, а когда услышала требование разрешить полновластно распоряжаться на фабрике, пригрозила:

— Тогда извини, голубчик, придется взять тебя под опеку.

С этого дня фактическим хозяином Никольской мануфактуры сделался Назаров. Рабочие ничего

об этом не знали, и многие из них верили в доброту своего хозяина. Чтобы подорвать веру в капиталистов и царя и придать забастовке политический характер, Московский комитет РСДРП обратился к рабочим Орехово-Зуева с листовкой, в которой говорилось:

«Вспомните, как было дело. Забастовавши, вы выбрали депутатов для переговоров с С. Морозовым. Во время этих переговоров в комнату вбежал вице-губернатор, оскорбил всех депутатов грубым «встать», называл всех изменниками и пригрозил арестовать и чуть не расстрелять. Депутаты предъявили требования одному Морозову, а вице-губернатор кричал, что они идут против правительства. Стало быть, он сам заявил, что капиталистов нельзя затронуть без того, чтобы не затронуть правительство. Дальше. В самом начале стачки мы заявили, что будем держать себя спокойно, и исправник обещал не вызывать войско. Мы все время сдерживали свое обещание, мы не произвели ни одного насилия, не тронули ни одного жилища, хотя расчетный конторщик Осип Медведев и хотел подкупить наших детей бить окна, чтобы выставить нас громилами и развязать руки полиции»¹.

Для руководства забастовкой из Москвы прислали агитатора Л. Н. Кудрявцева по подпольной кличке «Евгений». Чтобы избрать стачечный комитет и выработать требования к администрации, собрались на сушилке тридцатой казармы.

Просторное помещение, предназначенное для сушки белья, находилось под самым чердаком четырехэтажной, сложенной из красного кирпича казармы. У колонн, подпиравших потолок, под вешалами с бельем стояли и сидели рабочие. В тусклом свете керосиновых ламп вились сизые дымки от самокруток курильщиков. Когда комитет был избран, в сушилке остались одни члены РСДРП. Карп Степанович Ключев,

большой, крепкого сложения человек, с бородой, вышел на середину Владимира Барышникова и обратился к собравшимся:

— Юноша этот, конторщик Владимир Барышников, хочет в партию записаться. Какие мнения будут на этот счет?

Стали задавать вопросы. Владимир, заметно волнуясь, отвечал твердо, уверенно. Спросили его, не испугается ли он ссылок и тюрем, которыми наказывают за принадлежность к партии.

— Знаю об этом,— ответил он,— и не боюсь.

— А если струсишь и товарищей предашь, знаешь, что ждет предателя?

— Смерть и позор. Предателем не был и не буду.

Спрашивали его о задачах партии, о книгах, которые он читает, о товарищах.

— Ну, хватит парня мучить,— поднялся Степан Терентьев.— Он молод, но в революционном деле толк уже знает. Листовки переписывал, в массовках участвовал. Думаю, будет достойным членом партии.

Владимиру Барышникову было в ту пору шестнадцать лет. Сохранилась его фотография, сделанная в 1905 году. На карточке юноша с открытым лицом и большими глазами, над высоким лбом буйная прядь волос...

24 дня бастовали текстильщики. Тихое местечко походило на прифронтовой город: всюду солдаты, полицейские, казаки. В Орехово прислали шесть рот солдат из Владимира и сотню казаков из Москвы.

Вечерами Владимир расклеивал на заборах и афишных тумбах прокламации. Утром, идя в контору, видел, как рабочие читали листовки, и испытывал удовлетворение. Прокламации звали рабочих к борьбе, разъясняли, почему в Орехово вызваны войска:

«Товарищи! Они присланы против нас, свободных и мирных граждан, чтобы заставить нас отказаться от права работать, когда нам этого хочется, и бросить работу, когда нам это нужно.

Они призваны, чтобы задушить свободный голос свободных рабочих людей и, как рабов, погнать их на работу.

Когда явились эти войска, из своего подполья вылезли такие негодяи, как Назаров, стали стращать рабочих обысками и насилием, тащить их на работу. С появлением войска у этих негодяев развязались руки; они опять теперь могут безнаказанно измываться над рабочими: угнетать их, насиловать их дочерей.

Так вот против кого послали войска, и вот кого они поддерживают. Они посланы против нас, честных граждан, и поддерживают таких негодяев, как Назаров.

Товарищи! Правительство, распоряжающееся войсками и полицией, стоит на стороне негодяев, и все честные граждане должны требовать: долой правительство!»².

Рабочие были настороже. В казармах круглосуточно дежурили патрули для предупреждения полицейских налетов. На общем собрании 24 февраля текстильщики по предложению комитета РСДРП выработали свои требования. Они добивались восьмичасового рабочего дня, установленного законом минимума заработной платы, свободы стачек, союзов и собраний, немедленного созыва Учредительного собрания.

Вечером того же дня Владимир предупредил стачечный комитет, что по наущению Назарова готовится провокация. Сведения оказались достоверными. На другой день солдаты напали на стачечников и, воспользовавшись этим, владимирский губернатор обвинил рабочих в нападении на царские войска и воспре-

тил всякого рода сходки, сборища и ношение оружия.

Многие семьи голодали, и продолжать забастовку было тяжело. Особенно трудно приходилось многодетным семьям. Московский комитет выпустил прокламацию к рабочим Орехово-Зуева с предложением прекратить забастовку.

«Стачка кончилась,—говорилось в ней.— Наши требования не исполнены. Но мы не побеждены. Да и нет силы, способной сокрушить силу сплоченности и сознательности пролетариата. Отдельные неудачи, конечно, возможны и будут. Они зависят от недостаточной подготовленности рабочих или от неудачно выбранного момента. В нашей стачке было то и другое...

Прежде чем бороться с фабрикантами, надо добиться политической свободы, при которой только и возможна успешная борьба пролетариата с капиталистами-эксплуататорами. Это первый шаг по пути к социализму, по пути к полной победе пролетариата и воцарению царства свободы, равенства и братства.

На насилие можно отвечать только силой. На пули и штыки — только вооруженным восстанием.

Вступайте же в ряды борющегося пролетариата под знаменем социал-демократии, вооружайтесь и учитесь обращаться с оружием, чтобы восстать в одно время со всем пролетариатом России и вступить в последний и решительный бой с царским правительством.

Долой самодержавие!

Да здравствует вооруженное восстание!»³

Такими призывами заканчивалось это обращение к рабочим.

Наступила весна. По улицам и лесам рыскали казачьи и полицейские разъезды. Провести массовку или летучие митинги в честь 1 Мая не удалось. Но празд-

ник чувствовался. Рабочие в нарядных рубашках гуляли по улицам, пели песни. Владимир и его товарищи ходили среди гуляющих, раздавая им листовки.

Кажется, совсем недавно он томился без дела, а теперь не хватало времени, чтобы управиться со всеми заданиями партийного комитета. Владимир печатал на гектографе листовки, распространял их, доставлял из Москвы нелегальную литературу. Он был уже на примете у полиции, станционных жандармов и шпииков, но поймать его с поличным не удавалось. Парень был находчив и на выдумку горазд. Соберет молодежь играть в «орлянку», а рядом на лужайке рабочие постарше начнут в «три листика» резаться. Невдомек полицейским, что «орлянщики» — это прикрытие, а «три листика» — заседание руководящей группы.

9 мая во время традиционного воскресного базара, на который съезжались и сходились люди со всей округи, приехавший к отцу-священнику студент Московского университета С. В. Рождественский решил провести демонстрацию. По его просьбе Владимир Барышников написал на красном сатине лозунг, привлек к участию в шествии молодых рабочих.

Когда окончилась обедня и толпа выходила из церкви, рабочие развернули красные стяги и запели революционные песни. Появились казаки, демонстранты бросились к кладбищу. Как сообщал во Владимир жандармский ротмистр Устинов, казаки «задержали 173 человека, преимущественно молодежь. При обыске у задержанных ничего преступного обнаружено не было, но при осмотре кладбища под деревом найдено три красных флага с надписями «Долой самодержавие!» и «Да здравствует социализм!»⁴.

Уже заморосили мелкие дожди, и деревья сменили зеленый наряд на золотистый, а волнения рабочих, начавшиеся зимой, не прекращались. То на одной, то на

другой фабрике вспыхивали стачки. Не успокоил народ и царский манифест 17 октября. Через день после его объявления около новой ткацкой фабрики собрался летучий митинг.

На скамейку рядом с полицейской будкой поднялся молодой черноволосый человек с усиками, в пенсне, одетый в потрепанный студенческий мундир. Это был представитель «окружки» (Московского окружного комитета РСДРП) С. А. Богородицкий, по партийной кличке «Яков Васильевич». Он объяснил, что манифест царя — сплошной обман и цель его — ослабить рабочее движение, выиграть время, а затем собраться с силами и ударить по участникам революции. Притихшая толпа внимательно слушала оратора. Даже городской, забыв о служебном долге, внимал каждому слову человека в студенческом мундире. Когда же представитель «окружки» кончил речь, городской опомнился и схватил его за руку:

— Все, что ты говорил, мы плохо понимаем, неграмотные. Пойдем к приставу, он поумнее нас, с ним и поговоришь.

Владимир, стоявший рядом с Богородицким, понял, что дело плохо. Он хлопнул городского по плечу и закричал:

— Смотри, стреляют!

Тот оглянулся, отпустил руку оратора. Этого было достаточно, чтобы Богородицкий исчез в толпе. Барышникову скрыться не удалось, и его доставили в участок. Там Владимира обыскали, составили протокол и отпустили. А на другой день по распоряжению Назарова его уволили из главной конторы Никольской мануфактуры.

Теперь Владимир вместо конторы шел на сушилку тридцатой казармы, которую социал-демократы заняли явочным порядком «для обсуждения своих нужд», как

объяснили они фабричному правлению. Партийная организация легализовала свою работу, сушилка стала ее штабом.

С утра до вечера шли люди на чердак тридцатой казармы. Заседания комитета сменялись партийными собраниями. Тут же занимались кружки и боевые дружины. В углу варили гектографскую массу и печатали на ручном станке прокламации. Рабочие обращались в комитет со всеми нуждами, просьбами, за советом, а иногда даже за улаживанием семейных дел.

Правление саввинских фабрик решило пойти на крайние меры. К вечеру 31 октября на всех фабриках появились объявления: «Ввиду ненормальности работ правление распорядилось остановить фабрики на неопределенное время, и рабочие приглашаются получить расчет». Одновременно во Владимир полетела телеграмма с просьбой увеличить количество присланных в Орехово-Зуево войск.

Около 7 часов вечера все паровые машины были остановлены, рабочие вышли из фабрик.

На локаут предпринимателей ответим забастовкой — решил комитет РСДРП. Началась новая стачка.

Незадолго до этого вернулись из ссылки И. В. Бугров и С. Д. Сельдяков, ткач, член РСДРП, посещавший собрания, проводимые И. В. Бабушкиным. Администрация отказалась принять бывших ссыльных на работу.

На собрании, проходившем в помещении морозовской бани (старосты выпросили под собрания баню, в которой помещалось до тысячи человек, в годы первой русской революции там часто собирались рабочие), забастовщики приняли 95 требований к администрации. Первый пункт был о введении восьмичасового ра-

бочего дня. Пункт восемьдесят девятый предлагал правлению принять на работу немедленно ткацкого смотрителя Сергея Сельдякова, ткачей Игнатия Бугрова и Тихона Савельева, прессовщика Карпа Ключева и конторского мальчика Владимира Барышникова в ткачи.

Собрание утвердило Совет рабочих депутатов саввинских фабрик, в который вошли Бугров, Сельдяков, Горячева, братья Барышниковы и другие.

22 ноября администрация ответила рабочим. Более 30 требований из 95 были удовлетворены. В том числе об уравнивании в оплате женского труда с мужским. На 15 процентов были повышены расценки. Принять же на работу членов РСДРП Ключева, Сельдякова, Бугрова и шестнадцатилетнего Барышникова правление категорически отказалось.

«Вечером, бродя с Терентьевым,— вспоминала Е. С. Горячева,— под густым, падающим беспрерывно снегом, мы и радовались и горевали, говоря о судьбе рабочих.

— Как же с Бугровым, как с Барышниковым? Ведь нельзя же жить без работы? — волновалась я.

— Что ты, Лиза, для этих людей дел хватит»⁵.

Дел действительно хватало.

Всю осень почти каждый день происходили собрания, митинги, демонстрации, и немалые: собиравшись по пятьсот, тысяче человек, нередко число участников манифестаций доходило до шести тысяч. «Черная сотня» пыталась срывать митинги, но боевая дружина рассеивала ее. Орехово запасалось оружием. Многие ткачи записывались в боевую дружину, учились стрелять.

Во всем этом деятельное участие принимал Владимир Барышников. Он часто выступал перед рабочими, разъяснял, почему нельзя ограничиться борьбой за

экономические права. Пламенно, убедительно звучали речи молодого агитатора. Он уже пользовался популярностью как оратор. В дружине он получил револьвер системы «бульдог» и ходил на «плешку» позади тридцатой казармы тренироваться в стрельбе.

24 ноября после митинга рабочие саввинских фабрик, учитывая, что правление частично удовлетворило их требования, решили приступить к работе. С пением революционных песен направились они по Никольской улице к фабричным корпусам. А навстречу им шли только что забастовавшие рабочие фабрик Викулы Морозова. Колонны демонстрантов, встретившись, приветствовали друг друга салютами из револьверов.

Рабочие саввинских фабрик предупредили правление, что забастуют снова, когда будет удобный момент, чтобы дружно, вместе со всем российским пролетариатом восстать для свержения самодержавия и создания демократической республики.

Владимир дневал и ночевал на сушилке тридцатой казармы. Здесь он был и поздним вечером 25 ноября. Денек выдался горячий. Заседал партийный комитет, занимались боевой подготовкой дружинники.

Вечером на партийном комитете зашел разговор о Городищенской фабрике Морозова, рабочие которой, в отличие от ореховцев, не получили никаких уступок от правления. По просьбе городищенских товарищей комитет направил туда агитатора Карпа Ключева и четырех дружинников для охраны, в числе которых был Павел Черепнин по прозвищу Пашка Ягуза. В Городищах готовилась стачка, и члены комитета советовались, как лучше помочь своим товарищам.

— Забастовка начнется двадцать восьмого, — говорил И. В. Бугров. — Придется мне и Владимиру Барышникову ехать туда. Ты сможешь, Володя?

— Конечно.

В полночь слышались громкие шаги по лестнице, хлопнула дверь, и в сушилку влетел запыхавшийся Бурдин:

— Я из Городищ. Ягуза убит, Ключев с товарищами живы. Я расстрелял все патроны и прибежал сюда. Что было потом, не знаю...

— Подожди,— остановил его Богородицкий.— Расскажи все толком, по порядку.

— Приехали мы в Городищи, собрали рабочих, начали проводить собрание. Вдруг налетели казаки, шестеро. Завязалась перестрелка. И вот... не стало Пашки.

— Отправляемся в Городищи, сейчас же,— скомандовал Богородицкий.— Пойдем я, Бугров, Барышников и отряд дружинников. Возьмите маузеры и патронов побольше.

Отряд прибыл в Городищи под утро. Поселок словно вымер, на улице ни души, тихо. Было в этой тишине что-то зловещее. Узнали, что схватка была кровопролитная. Два казака убиты, несколько — ранены.

Посоветовавшись, решили отменить забастовку: казаки могли ее использовать как повод для новой расправы с рабочими. Бугров и Барышников побывали у исправника и получили разрешение взять труп убитого товарища и отвезти его в Орехово...

Обитый кумачом гроб сначала стоял в казарме, потом его перенесли в сушилку. Сюда с утра до вечера шел рабочий люд, чтобы проститься с погибшим дружинником. Каждый опускал в кружку несколько монет — пожертвование в помощь семье убитого.

27 ноября рабочие города и всей округи хоронили Павла Черепнина. Это были первые гражданские похороны в Орехово-Зуеве, без священника, с красными флагами и пением революционных песен.

Все построились в колонну, и многотысячная процессия, охраняемая дружинниками, растянувшись на несколько верст, направилась к кладбищу. Впереди, с красной повязкой на рукаве и алым флагом в руках, шагал Владимир Барышников. Тысячеголосый хор пел «Вы жертвою пали...».

На кладбище состоялся траурный митинг. Горячо и взволнованно выступали представители комитета, рабочие.

На другой день хоронили своих убитых казаки. На могиле казаки поклялись отомстить за них. Комитету было известно настроение казаков. Знали социал-демократы, что глава ореховских черносотенцев Назаров подстрекает к погрому и передал исправнику Безобразову для раздачи казакам две тысячи рублей.

Комитет принял меры предосторожности: на сушилке перестали проводить многолюдные собрания, в надежное место убрали документы и литературу. Однако заседания партийного и стачечного комитетов, занятия боевых дружин по-прежнему проходили здесь. Рабочие Городищ, Дрезны, Павловского Посада бастовали, и их нельзя было оставить без руководства и поддержки.

30 ноября на сушилке обсуждали ответ правления фабрик В. Морозова, собирались дружинники, шло заседание выборных. Сушилка опустела лишь в десятом часу вечера. Несколько дружинников, прибрав помещение, вели неторопливую беседу. Безлюдно и тихо было в коридорах казармы. Те, кому в четыре утра вставать на заработку, уже спали. Пришедшие сосмелы напились чаю и укладывались спать.

В это время казарму окружили солдаты, «желтяки» (так называли по форме одежды астраханских

казаков), городовые и люди в штатском. Блокировав все входы и выходы, они ворвались в казарму, открыли стрельбу и кричали: «Не выходить из каморок!» Услышав шум и выстрелы, находившиеся на сушилке рабочие по водосточным трубам спустились на улицу, кое-кто спрятался в казарме.

Погромщики поднялись на сушилку, но она была пуста. Не найдя комитетчиков, казаки разбивали прикладами двери, врываются в каморки, секли нагайками заспанных, не понимавших, что происходит, людей.

Выломали дверь в каморке ткача Ивана Ивановича Воронцова, где скрывались агитаторы Кононов и Балабашкин, выволокли Воронцова и убили у дверей, а комитетчиков, избив, увели.

Двенадцатилетний мальчик, ожидавший в коридоре свою мать, засмотрелся в окно на мелькавшие от выстрелов огоньки. Казачья шашка рассекла мальчишке голову.

Те из рабочих, у кого было оружие, забаррикадировав комодами, столами, табуретками входные двери, отстреливались. Выстрелы с улицы и внутри казармы, крики и плач перепуганных женщин и детей смешались в жуткий шум.

Несколько человек убили в эту ночь погромщики, а для избитых и раненых не хватило мест в больнице.

Нападения казаков на рабочих продолжались и в последующие дни. Владимирский губернатор Леонтьев объявил город на военном положении. Казаки продолжали бесчинствовать. Даже на работу ходить было небезопасно. Идет ткач, казачий разъезд окликает:

- Стой, куда идешь?
- С квартиры на работу.
- Демократ?
- Нет.
- Кажи крест.

Несмотря на мороз, рабочий расстегивает одежду и достает из-за пазухи медный крестик на шнурке. Слышится грубая брань и свист нагайки:

— Крещеный, а бастуешь, сволочь!

Город напоминал пороховую бочку: достаточно искры, чтобы произошел взрыв. Партийный комитет предостерегал рабочих, чтобы они не поддавались на провокации. Погромы и бесчинства казаков и полицейских открыли глаза самым отсталым рабочим. Замолкли речи о добром хозяине Савве Тимофеевиче. Неспкойно чувствовали себя и власти. Жандармский полковник Бурков доносил в Москву: «Владельцам фабрик невозможно сюда приезжать, так как их жизни грозит опасность».

Особенно возненавидели текстильщики Назарова, чьи руки были обгарены кровью рабочих. Немало фабричных уволил он с волчьими паспортами, то есть с такими документами, по которым рабочего не принимали ни на какое предприятие. И бегал такой человек, словно затравленный зверь, из города в город, ища заработка, чтобы прокормить семью. А сколько слез пролили молодые работницы, обещанные всесильным директором. Недаром в приступе гнева Савва Тимофеевич кричал на Назарова: «Вы ведете себя как провокатор! Насилуете фабричных девок!»

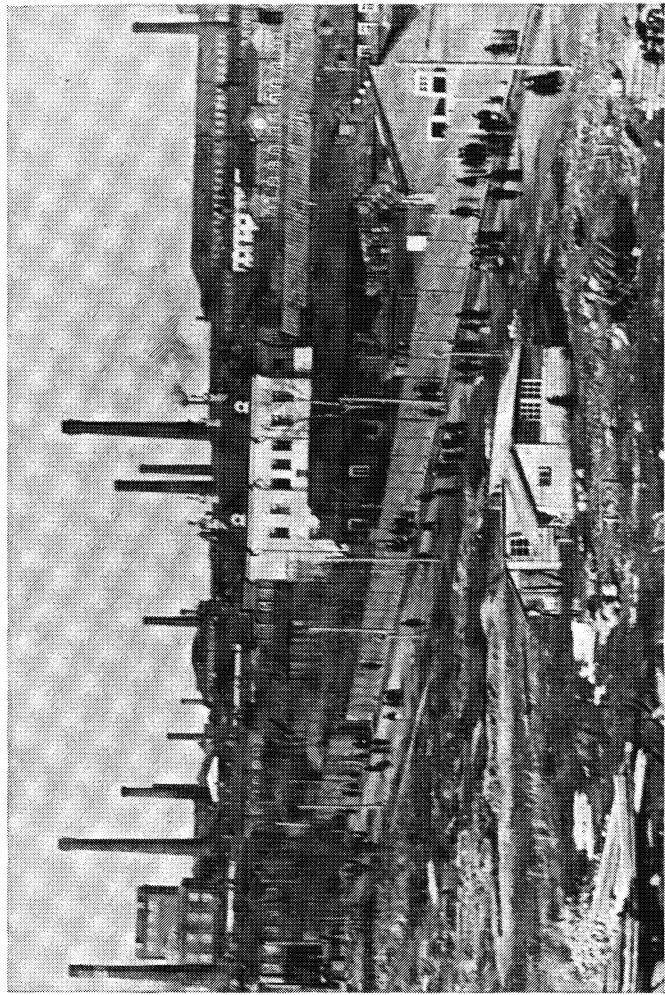
Одиннадцать лет занимал потомственный дворянин инженер-технолог С. А. Назаров пост директора отбельно-красильной фабрики. Он знал свою силу. Мария Федоровна Морозова считала Назарова своим доверенным лицом и близким человеком. Это ее заботами грудь господина директора была украшена орденами святого Станислава и святой Анны. Положение, ордена, связи, деньги — вот его сила.

Алексей Архипович
Барышников.

Владимир Барышников в
1905 году. В этом году он
вступил в партию.

Орехово-Зуево — район фабрик (конец XIX века).

Главная улица села Орехова.

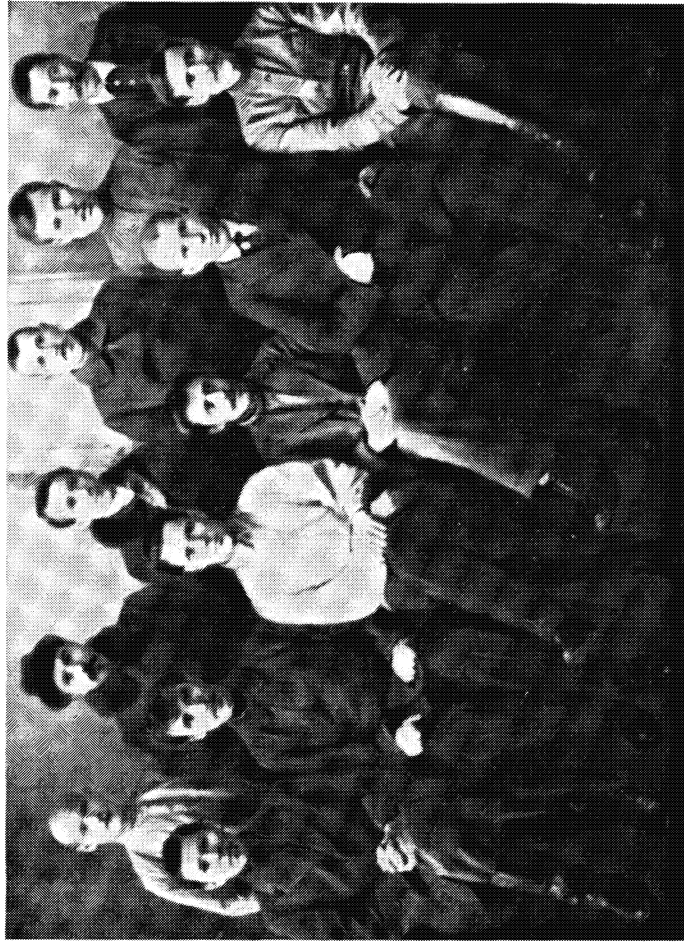
Снимок В. А. Барышникова,
сделанный в Таганской
тюрьме.

Мария Петровна Барышни-
кова — жена комиссара.

Сын Дмитрий.

Группа орехово-зубовских большевиков. Снимок 1917—1918 годов. В первом ряду слева направо: С. М. Зрячкин, М. Л. Мирохин, С. А. Киров, В. А. Барышников, А. А. Хазов, И. Я. Сальников. Во втором ряду первый слева: И. В. Бугров, далее А. И. Липатов, А. С. Ленков, И. П. Куликов, М. И. Петраков, В. М. Назаров.

Командиры и политработники 8-й армии. Сидит второй справа Барышников.

Памятник комиссару. Установлен в 1923 году.

Знал Назаров, что рабочие его ненавидят. Ненавидят и боятся. И считал: надо делать так, чтобы боязнь была сильнее ненависти. Он старался устроить рабочих, увольняя смутьянов, провоцируя стычки казаков и полиции с рабочими. А когда народ подымался, директор слал короткие телеграммы господину владимирскому губернатору: «Народ бунтует, войска необходимы. Назаров», «Спешите высылкой войск. Назаров».

За долгие годы службы Назаров установил строгий распорядок, которого твердо придерживался. В урочное время просыпался, завтракал и ехал на службу. Ежедневно в семь вечера в главной никольской конторе принимал просителей. Сергей Александрович любил эти приемы. На них он ощущал полноту своей власти. Люди кланялись в пояс, валялись у него в ногах, чтобы разрешил господин директор восстановить на работе уволенного или выдал пособие семье, оставшейся без кормильца.

А пуще всего любил Сергей Александрович беседовать с молоденькими, хорошенькими работницами, которых угодливо подыскивали и присылали на директорские приемы его подчиненные. Для девиц у него имелись карамелька, яркие ленты в косу и мелкие деньги на вспомоществование. В беседах с ними Сергей Александрович был кроток и ласков. В помощи не отказывал — пусть зайдет просительница к нему на дачу попозже вечером...

В морозный вечер 18 января 1906 года Назаров подъехал к двухэтажному зданию главной конторы. Швейцар услужливо распахнул тяжелую дверь, он, важный и улыбающийся, проследовал в кабинет. Сняв там шубу и шапку, Назаров направился общим коридором к кабинету, где вел прием. Он взялся за ручку двери, но открыть ее не успел: из угла выскочил худо-

щавый человек и поднял руку, в которой блеснул браунинг. Он почти коснулся вороненым дулом головы директора и несколько раз нажал спусковой крючок.

Прозвучали выстрелы. Грузное тело Назарова тяжело рухнуло на пол. На шум выбежали люди, пытались схватить убежавшего убийцу. Но он ловко вывернулся и в общей суматохе исчез.

В ту же ночь в Орехове начались обыски и аресты. Полиция забирала не только подозреваемых в убийстве Назарова, но всех, кто принадлежал к РСДРП. Арестовали и Владимира Барышникова, хотя швейцар показал, что бывший конторщик в этот день в конторе не появлялся.

Исполняющий обязанности исправника Айзман извещал владимирского губернатора 19 января: «Назаров убит вчера в 6 часов в коридоре конторы Никольской мануфактуры четырьмя выстрелами револьвера браунинг 18-летним Иваном Васильевым Ветровым, который бежал. Ветров был таскальщиком товара, уволен с фабрики в 1902 году за дурное поведение»⁶.

В более подробном рапорте покровский уездный исправник сообщал губернатору, что «соучастниками этого убийства подозреваются еще рабочие Михаил Хохлов и Владимир Барышников не без участия некоего Степана Матвеева Сидорова, из которых Барышников и Сидоров были уволены покойным с фабрики за предосудительное поведение и участие в забастовках. Хохлов, Сидоров и Барышников приставом задержаны по делам политическим. Убийством директора г. Назарова, судя по настроению, многие довольны: как фабричные, так и немало из конторщиков»⁷.

Барышников не знал о подготовке покушения на Назарова, хотя ему было известно, что Ветров обращался к дружинникам с просьбой дать ему револьвер.

Ветрову отказали. Но выстрелы в Назарова прозвучали как протест против разгула реакции, арестов и преследований.

Задержанных по делу об убийстве Назарова, а их было тридцать три человека, препроводили в арестантскую. В темном, сыром помещении с затхлым и тяжелым воздухом Владимир не терял присутствия духа. Осмотревшись, он улыбнулся своим товарищам и запел: «Вихри враждебные веют над нами...» Скрипнул засов, и в арестантскую вошел грузный стражник:

- Не положено петь.
- Кто же наложил запрет?
- Власти.
- А императора в песне можно прославлять?
- Про то в инструкции ничего не сказано...
- А раз не сказано,— подмигнул товарищам Владимир,— значит, дозволяется...— И он громко запел:

Вся Расеюшка бастует,
Николай вином торгует.
По России прошел слух,
Николай Второй протух.

Стражник кинулся на Барышникова, но товарищи заслонили Владимира:

- Не замай! Мы тебя не трогаем и ты рукам волю не давай. Аль урок Назарова не впрок пошел?

Чертыхаясь, толстый стражник захлопнул дверь.

Утром следующего дня арестованных на подводах повезли в Покров. Перед отъездом пришли проститься родители, прибежала и Маша Затравкина. Близко к арестованным не подпустили, но узелки со съестным приняли и, тщательно проверив, передали по назначению. Когда сани тронулись, Владимир крикнул:

- Жди меня, Маша, скоро объявлюсь!

Из Покрова арестованных поездом отправили во Владимир.

Через тяжелые железные ворота узников ввели во Владимирский централ. Поместили их в Польском подследственном корпусе, где обычно до суда находились политические. Когда вели в арестантское помещение, Владимир огляделся: высокий каменный забор с электрической сигнализацией отделял корпус от каторжного двора. «Да,— подумал юноша,— отсюда не убежишь. Да не век же здесь держать будут, без нас все камеры переполнены. Подождем до лучших времен!»

В камере, на голых дощатых нарах сидело более двух десятков подследственных. На другой день Барышникова вызвали на допрос.

Допрашивал его судебный следователь по особо важным делам при Владимирском окружном суде. При допросе присутствовал прокурор Владимирского окружного суда.

— Фамилия, имя, возраст?

— Барышников Владимир Архипович. Шестнадцать лет, семнадцатый.

— Кто ваши родители?

— Барышниковы — Архип Иванович и Елена Ивановна. Родом из деревни Синьковой Софьинской волости Бронницкого уезда. Работают на Никольской мануфактуре Саввы Морозова.

— Где служили?

— В главной конторе.

— К какой партии принадлежите?

— Член РСДРП.

— Вам известно, что вы обвиняетесь в убийстве директора Назарова?

— Виновным себя не признаю. Да и вы сами, господин следователь, знаете, что не я Назарова убил.

— Чем можете доказать свою невиновность?

— Во-первых, в момент убийства меня в конторе не было. Я не работал там по причине увольнения. Кроме того, наша партия отвергает индивидуальный террор. Убьют одного, его место займет другой, похлеще. Назарова мне не жалко. А вот невинных людей за что в тюрьме держите?

Допросы шли почти каждый день. Не скрывая своей принадлежности к РСДРП, Владимир не назвал имена членов комитета, агитаторов, товарищей, приезжавших из Москвы.

Прокурор Владимирского суда докладывал губернатору: «Что же касается подозреваемых по настоящему делу Михаила Хохлова, Владимира Барышникова и Степана Сидорова, то следствием не добыто данных, изобличающих их как соучастников Ветрова в убийстве Назарова»⁸.

Но оставлять на свободе молодого большевика власти не хотели, ибо, по словам жандармской характеристики, «Барышников как бывший конторщик (но уволенный от должности за предосудительное поведение), обладая красноречием, имеет вредное влияние на рабочую молодежь»⁹.

В Петербург пошла бумага об арестованном В. А. Барышникове, проживающем в местечке Никольское и «уличенном в принадлежности к Орехово-Зуевской группе РСДРП, в посещении недозволенных собраний этой группы под председательством Карпа Ключева, по слухам, состоя секретарем последнего; участия в демонстративных шествиях группы по Никольскому с пением революционных песен»¹⁰.

Всего этого было достаточно, чтобы министр внутренних дел распорядился: «Выслать Владимира Барышникова в Нарымский край, Томской губернии, под гласный надзор полиции на четыре года, считая срок с 29 марта 1906 года»¹¹.

Около сорока ссыльных социал-демократов отправляли в Сибирь. Партию разбили на две группы. Одна из них держала путь в Туруханский край, другая, в составе которой находился и Барышников,— в Нарымский.

Путь в Сибирь — длинный и долгий, свободного времени много, занять его нечем. Думай да рассуждай про себя или коротай часы в разговорах с товарищами.

Ссылка не пугала Владимира, он даже по-мальчишески гордился, не говоря, конечно, никому об этом, что довелось ему испытать арест и тюремную камеру. Какой же ты революционер, если не прошел через эти испытания! Но была и другая дума, с которой он не расставался — о побеге, о свободе, о борьбе, без которой он теперь не мог представить себе жизнь. Всю дорогу в Сибирь он обдумывал различные варианты побега.

— Посмотрим, как живут в Нарымии,— весело говорил Владимир, встряхивая буйной прядью волос над высоким лбом,— и зададим тягу.

— А может быть, и не доедем до Сибири,— возражал ему кто-то из этапников.— Скоро соберется Дума, объявят амнистию, и айда по домам.

— Ну это, брат, на воде вилами писано. Вряд ли царская Дума даст что-нибудь народу. Ведь ее по манифесту царя созывают, а о нем очень хорошо сказано:

Царь испугался,
Издад манифест.
Мертвым — свободу,
Живых — под арест.

Свободу собраний —
Солдатским штыкам.
Свободу изданий —
Бараньим головам.

Долог и тяжел путь от одного этапа до другого. Еще тягостнее ожидать в этапной тюрьме новой партии, также направляющейся в Сибирь.

Наконец добрались до Томска. В Ново-Николаевке простились с товарищами, которые поехали еще дальше на восток, в Туруханский край.

Две недели этапники сидели в Томской тюрьме. Чтобы поскорее выйти отсюда, изводили тюремное начальство.

Барышников, порывшись в мешке, достал праздничную красную рубаху:

— Вот влезу на крышу, господин начальник, прикреплю вместо флага рубашку на самом высоком месте и стану заместо часового. Подойдут надзиратели — вниз брошусь. Мне все равно погибать, а вам неприятности по службе.

— Не виноват, господа, что вас здесь задерживают, — нервничал начальник тюрьмы. — Да и бросьте вы эти выдумки, без вас тошно.

— А вы потормозите, кого следует, — не унимался Владимир, — а то и красного петуха подпустить можем. Сгорит тюрьма — опять вам ответ держать. А нам чего бояться? Пролетариям нечего терять, кроме цепей...

— Завтра вас отправят в Тымское, — с облегчением сообщил начальник тюрьмы после очередного розыгрыша.

— А далеко это?

— Верст тысяча с лишним вниз по Оби к устью Тыма. В самую северную колонию края на жительство придете.

— Почему же нас, жителей средней полосы, так северно поселяют? — поинтересовался ссыльный Ануфриев.

— О вас, господа, имеется особое предписание: направлять в самые отдаленные места края. Насолили вы крепко, должно, в Орехове.

— А бежать оттуда можно? — деловито справился Барышников.

— Исправника спросите, он край свой знает, — ухмыльнулся в усы начальник тюрьмы. — Я, по совести сказать, никогда там не был, незачем. Знаю, что комаров там много...

Ранним утром этапники были на пристани. С реки тянуло свежим ветром. Они погрузились на судно, и скоро маленький пароходик выбежал на фарватер реки.

Кроме группы, направлявшейся в Тымское, на пароходике находилось несколько человек, которые должны были с одним из сопровождавших стражников высадиться в Парабели, немного не доезжая до Тымского.

Доплыли до Парабели, группа ссыльных вышла на берег. Несмотря на протесты стражника, высадился и Барышников. Владимир твердо решил бежать и рассчитывал, что отсюда ему выбраться будет легче, чем из Тымского. Но бежать из Парабели ему не удалось.

Побеги из столь отдаленных мест проводились организованно, по решению комитета ссыльных. В зависимости от величины колонии комитет определял число ссыльных, которым разрешалось отправиться в Европейскую Россию. Владимир не попал под комитетскую разверстку и, прожив в Парабели короткое нарымское лето, с одним из предпоследних рейсов парохода приехал к товарищам в Тымское.

Мысль о побеге не покидала Барышникова. Он и в Тымское приехал в надежде обзавестись паспортом и местом на пароходе. И опять его постигла неудача: двое отсюда уже бежали, и колония могла снабдить Барышникова лишь фальшивым паспортом.

Близилась суровая нарымская зима. Она несла с собой не только лютые морозы и метели, но и надолго отрезала ссылку от Томска, от всей России. Пароход скоро сделает последний рейс, привезет почту, сгрузит соль, муку, чай, сахар, табак в местную лавочку, и ссыльные не увидят его до весенней навигации.

Как раз в это время комитет решил созвать съезд ссыльных в Колпашеве, одной из южных колоний края. Из Колпашева можно было вернуться с последним рейсом судна. А вот до Нарыма, куда пароход делал предпоследний рейс, дорога одна — на лодке. От Тымского до Нарыма — сто двадцать верст вверх по Оби. Другого пути нет, кругом непроходимые болота да дикая тайга. Дорога зимой и летом одна — по реке.

Труден и долог путь, а ехать надо. Съезд решал важные для каждой колонии вопросы: организация побегов зимой, распределение полученной из России литературы и одежды, оказание денежной помощи нуждающимся ссыльным.

Делегат выбран, у одного из местных жителей добыта лодка. Трое ссыльных готовились к путешествию. Заготавливали продовольствие, укладывали вещи, уточняли маршрут. За лето они научились ходить на лодке в любую погоду не хуже сибиряков, совершали рейсы по двадцать — тридцать верст вверх и вниз по Оби. Барышников решил плыть вместе с ними. Его взяли. Правда, опыта путешествий на лодке у него не было, но он не унывал: в пути научится. У Владимира свои планы: добраться до Нарыма, устроиться на последний рейс парохода, идущего в Томск, благо фаль-

шивый паспорт на имя нарымского мещанина у Барышникова имелся.

Ранним утром началось путешествие по дикой сибирской реке. Четверо ссыльных на лодке медленно поднимались вверх против течения. На веслах ладный, крепко сбитый Пospelов и здоровый, веселый Кузьма Малышев по кличке Нарымец¹. Рубцов сидел на руле. Владимир смотрел за парусом и вслух рассуждал о предстоящем побеге:

— Не устроит меня на пароход Нарымский комитет, договорюсь с матросами. Не помогут матросы, спрячусь в трюме. Зимовать же здесь не останусь ни за что. Мне бы только до Томска добраться.

— Мы все уверены, что ты сумеешь убежать,— прервал размышления Владимира Рубцов,— а пока смени одного из товарищей на веслах.

Владимир неумело взялся за весло, глубоко погрузил его в воду и налег изо всех сил. Ледяные брызги дождем полетели в лодку. Но никто не рассердился на парня, не умеющего грести. Лишь Нарымец с улыбкой заметил:

— Тут, брат, надобно уменье.

Еще и еще обдавал неумелый гребец своих спутников водой. Путешественники лишь отряхивались и дружно смеялись. Владимир старался исправить свою неловкость, но никак не мог попасть в ритм четких гребков своего напарника. Из-под весла летели брызги на рулевого, лодка шла зигзагами, виляя из стороны в сторону.

— Плохо это ты, брат. Вымочишь всех нас до нитки.

— До Нарыма далеко, выучусь,— спокойно отвечал Барышников.

Рубцов через плечо оглянулся на Тымское, исчезающее за изгибом реки:

— Помахашь веслом до Нарыма и впрямь учишься. Силенка у тебя есть, а хватка придет со временем.

Лодка шла вровень с песчаной косой. Впереди — крутой. Надо переваливать на другую сторону. Под яром грести трудно. Высокая волна бьется о крутой берег. Владимир запел в такт ударам весел:

— «Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно...»

Лодка медленно шла к другому берегу. Под берегом тихо, а на середине река шумела и вал бросал лодку, как скорлупку. Перевалили Обь.

— Идем бечевой!

Веревка привязана за середину мачты. Согнувшись от тяжести, ссыльные тянули лодку против течения, и она под острым углом скользила по воде. Впереди — рыбаки, тянущие тяжелый невод. Кричат чайки. Они тучей летают над неводом, рассчитывая на легкую поживу.

Рыбаки щедро угостили мокрых и усталых путников рыбой. В полдень — привал. Весело пылает костер, булькает в чайнике ароматный чай, в котелке варится душистая уха. После обеда и короткого отдыха снова в путь.

Пройдя против течения около тридцати пяти верст, поздно ночью усталые путешественники добрались до займки Фомы-рыбака. Поужинав, они улеглись на полу и быстро заснули под шум дождя.

На другой день опять на весла. У Владимира ныли руки, на ладонях — сбитые в кровь мозоли. По совету товарищей он перебинтовал руки и греб наравне со всеми.

Погода испортилась. Шел дождь, дул северный ветер. Когда переваливали Обь на устье Васюгана, порыв ветра ударил в парус, лодка накренилась и за-

черпнула воды. Рубцов и Нарымец бросились за борт, выровняли лодку и, держась за нее, доплыли до берега.

Было темно, когда они достигли Каргосовки, что в шестидесяти верстах от Тымского. Знакомый крестьянин радушно встретил ссыльных. Сидя за столом, они вспоминали холодную купель, улыбались, хотя на реке, когда лодка чуть было не перевернулась, было не до смеха.

На четвертые сутки путешественники были в Нарыме, самой большой колонии края. Здесь жило тогда более двухсот ссыльных. В распоряжении путников имелся целый день. Они отоспались, помылись в бане, переоделись. Рубцов и Пospelов остались в Нарыме. Барышников и Нарымец сели на пароход и поплыли в Колпашево.

В Колпашеве было нечто вроде кордона, где стражники тщательно проверяли у пассажиров документы. Объяснялось это тем, что ссыльные отвоевали себе право разъезжать на пароходе от Колпашева до Тымского. Пристань Колпашево была последней, дальше которой ссыльных не пропускали.

— Вот что я придумал,— поделился Владимир со своим попутчиком.— Говорил я с матросами, просил спрятать — бояться. Приглядывался к пассажирам, и возник план один, правда, рискованный. В каюте первого класса едет жена нарымского торговца. Ее едва ли заподозрят в укрывательстве ссыльного...

— Ты что же, думаешь попросить ее приютить бедного сироту или поамурничать задумал с купчихой?

— Ни то, ни другое. Просто хочу в ее отсутствие проникнуть в каюту, спрятаться под диван и «зайцем» проехать до Томска. Вещей у нее немного, один ручной чемоданчик, и под диван ей заглядывать нечего. Диван до самого пола покрыт ковром, купчиха любит

поспать. Думаю, что доеду. Лучшего пока ничего не придумаешь.

Когда показалось Колпашево и купчиха вышла на палубу, Барышников пожал руку товарищу и исчез...

Прошло две недели. Съезд закончил свою работу, и Нарымец, возвращаясь в свою колонию, ждал на пристани пароход. Прогуливаясь по берегу, он встретил Барышникова.

— Владимир?! Здравствуй, дружище! А я думал, что ты уже в Томске. Опять не удалось?

— Не вышло. Но надежды не теряю. Меня должны под конвоем отправить в Тымское, да стражник захворал. Сейчас нахожусь под надзором в Колпашеве.

— А что стряслось на пароходе?

— Целая история, брат, приключилась. Как говорится, и смех и грех... Улучил я удобную минуту, вошел в каюту и влез под диван. Сначала все шло отлично. Купчиха и не подозревала, что едет не одна. Все бы хорошо, да тесновато под диваном. Когда купчиха выходила из каюты, я вылезал из своего укрытия и расправлял онемевшие ноги и руки. Купчиха укладывалась спать, засыпал и я. Ее мощный храп заглушал мое сопение.

Проснулся под утро на вторые сутки. В каюте жарко, нестерпимо хочется пить. Встала скоро и купчиха. Заварила чай, пьет да причмокивает, а я слюной исхожу. Потом она вышла на палубу. Я вылез из-под дивана и, не стерпев, выпил все, что оставалось в чайнике, и только тогда сообразил, что поступил опрометчиво. Вернулась моя хозяйка, взялась за чайник и очень удивилась, что в нем не осталось ни капли. А тут я чихнул совсем некстати.

Она испуганно охнула, потом закричала во все горло, выбежала из каюты и подняла тревогу. Сбежались люди, и пришлось мне вылезать на свет божий.

Сначала меня подозревали в покушении на грабеж, купчиха-то с деньгами в Томск ехала. Но вскоре и сама она поняла всю вздорность этого предположения.

Так и очутился я здесь. За побег привлекают к суду, придется сидеть, но, кажется, томский губернатор Нолькен уже дал распоряжение в административном порядке продлить срок ссылки на год. Дальше я не поеду и останусь здесь. А как прошел съезд? Будут ли организованы побеги зимой?

Пока с парохода сгружали соль и муку, друзья наговорились вдоволь. Успели даже сходить в Колпашевский комитет, где получили разрешение на отправку Барышникова в Россию с последним рейсом. Вечером Владимир проводил своего товарища в Тымское.

Прошло немного времени, и Барышников совершил новый побег. Он добрался до Томска, приобрел билет и сел в вагон поезда, который отправлялся в Москву. Незадолго до третьего звонка в вагон зашел торговец из Парабели, снабжавший рыбаков поплавками для сетей. Он узнал ссыльного и выдал его полиции. Поезд задержали, Барышникова ссадили.

Три месяца его продержали в тюрьме, а потом отправили в Колпашево. Они шли вдвоем со стражником заметенными снегом дорогами. Лютый мороз, доходивший до сорока градусов, студил легкие, перехватывал дыхание, леденил кровь. Селения встречались редко, а остановиться в чистом поле — верная смерть. Усталые ноги просили отдыха, глаза закрывались сами собой. Стражник от мороза и тяжелой дороги страдал больше, чем молодой и сильный Барышников.

— Устроим привал, разведем огонь, отогреемся, а потом пойдем дальше,— уговаривал он ссыльного через каждые пять — семь верст пути.

— Идти надо, замерзнем, если остановимся,— не

поддавался на уговоры Владимир.— Хочешь жить, иди.

И они шли, пока не попадалось на пути жилье. Оттирали подмороженные щеки, отогревались и снова в путь. Порой мороз был так крепок, что не удавалось пройти больше двадцати верст. Оттепели приносили с собой снегопады и вьюги. Снег заметал дорогу, шли наугад...

До Колпашева добрались усталые, в разбитой обуви, с обмороженными лицами.

Поселившись в Колпашеве, Владимир начал готовить новый побег.

После всего случившегося, он был на примете, но никому не могла прийти в голову мысль, что после двух неудачных побегов и столь тяжелого перехода Барышников попытается снова бежать. А он жил душой о побеге и не терял времени зря.

В конце зимы знакомый ящик сvez его в Томск, тихо объехав кордоны под городом. Барышников перешел на нелегальное положение и сумел благополучно добраться до Москвы.

По заданию «окружки»

Шел 1907 год. После поражения декабрьского вооруженного восстания революционная волна убывала, и царизм перешел в наступление. Москва, как и другие промышленные центры, была наводнена войсками.

В Московском окружном комитете партии, куда по возвращении из ссылки обратился В. А. Барышников, ему посоветовали не показываться в Орехово-Зуеве: могут опознать беглого ссыльного, арестовать и снова

выслать в Сибирь. Но Владимиру очень хотелось побывать дома, и он уверил руководителей комитета, что сделает все аккуратно, не «наследит».

— Своих проведу, — убеждал он руководство Окружного комитета, — и поступлю в ваше полное распоряжение. Да и не всякий теперь узнает меня: вон какие усы отпустил и в плечах раздался...

Получив разрешение, Барышников приехал в Орехово. Сойдя с поезда, по шпалам железной дороги двинулся на Крутое, в первую казарму, где жила Маша.

Миновал свою, семнадцатую казарму, где прошло его детство. Шел тропинкой, которой гуляли с Машей. Потом повернул влево, пересек пустырь и увидел мрачное, словно тюрьма, кирпичное здание казармы. По чугунной лестнице с железными перилами поднялся вверх. В коридоре пахло пеленками, щами, еще чем-то кислым, застоявшимся. Постучал в знакомую дверь и услышал шаги.

Маша была дома. Она не сразу узнала в крепком парне с обветренным, загорелым лицом Владимира, а узнав, расцвела в улыбке. Но радость сменилась грустью, когда Владимир сообщил, что приехал всего на один день и завтра утром уедет.

Маша сбегала за отцом Владимира, который рассказал ему о всех семейных новостях. Новости были невеселые. Алексея арестовали и по этапу отправили в Нарымский край. Жenu его уволили с фабрики и выселили с тремя детьми из казармы. Она устроилась на фабрику Зими́на, живет на вольной квартире в Зуеве.

По просьбе Владимира Маша устроила ему встречу с Бугровым. Игнатию Васильевичу Барышников рассказал о жизни в ссылке, о своих побегах. Бугров познакомил его с положением дел в Орехово-Зуеве, сообщил, что Лиза Горячева уехала в Лондон делегатом на партийный съезд. Прощаясь, Игнатий Василь-

евич посоветовал своему молодому другу быть осторожным и поскорее уезжать отсюда:

— Оглянуться не успеешь, как схватят. А партии сейчас особенно нужны верные люди. Ступай в «окружку», изготовят тебе подходящие документы, и живи, где полиции ты неизвестен. А настанет время, приедешь сюда. Маша подождет тебя, не бойся.

На другой день Барышников уехал в Москву. В «окружке» его ждало поручение — доставить шрифт для печатной машины в Кострому. Когда задание было выполнено, Владимиру дали новое: обосноваться в Коломне и вести работу в местной партийной организации. Он получил соответствующие документы, пароли, явки и выехал в Коломну.

В вагоне было не оченьлюдно. Владимир занял свободное сиденье у окна. На одной из остановок в вагон вошел полицейский и сел напротив Барышникова. Глядя на него, Владимир заволновался, но взял себя в руки. Он потрогал в кармане паспорт, выданный ему в «окружке», и мысленно еще раз повторил, что он теперь не Барышников, а студент Василий Константинович Гугичев.

Владимир посматривал на важного усатого полицейского и улыбался про себя. Припомнился ему случай, о котором рассказал Игнатий Васильевич Бугров...

Он был тогда на нелегальном положении, и Бугровым его называли лишь в Орехове. В других же местах, куда по заданию Окружного комитета партии выезжал Бугров, он был известен, как коммивояжер швейной компании «Зингер» Иван Иванович.

— Рабочие знали, — рассказывал Игнатий Васильевич, — что швейную машинку у меня не купишь, а вот политические брошюры, большевистские газеты всегда найдутся. Работать на выездах тоже опасно, но много

легче, чем в Орехове. Дома меня не только полиция, каждый дворник и извозчик знали. А эти люди опасны для нашего брата, почти все с полицией связаны. Так вот, ехал я однажды на «гусляке», поезде, что от Орехово-Зуева до Ильинского Погоста ходит, как вдруг состав остановился. Обыск. Что делать? Нагружен я был листовками и брошюрами основательно. Пошел по вагону и вдруг вижу знакомого урядника. Я улыбаюсь ему, хотя на душе кошки скребут. А он чуть не обнимается со мной, так рад встрече:

— Давненько я вас не видывал, Иван Иванович. Как поживаете, как коммерция идет?

Сложил я вещички у ног урядника, сам сел напротив него. Урядника обыскивать не стали...

Владимир достал из чемоданчика взятую в дорогу книжку духовно-нравственного содержания, и устроившись так, чтобы полицейский мог увидеть ее название, погрузился в чтение.

— Приятные книги читаете,— завел разговор полицейский.

— Меня с детства папенька с маменькой приучили жития святых да праведников читать.

— В отпуск изволите следовать?

— Приятеля хочу навестить. Заболел он, отпуск получил. А родители его в Коломне торговое заведение имеют. Проведаю друга, отдохну немного.

— Похвально, весьма похвально...

Так, в приятной беседе с полицейским, прибыл в Коломну по заданию Московского окружного комитета партии бывший ссыльный В. А. Барышников.

Коломна заинтересовала Владимира своей старинной: древний кремль, старинные соборы и церкви. Правда, не было здесь ни театра, ни Народного дома.

Зато два десятка церквей, несколько часовен, публичные дома и три казенки, в которых бойко торговали водкой.

Но не монахами и духовенством была известна Коломна в начале XX века. Здесь находился крупный машиностроительный завод «Струве и компания» и другие промышленные предприятия с многотысячным отрядом рабочих. Коломенские пролетарии показали свою силу и организованность в годы первой русской революции. Они активно участвовали во всероссийской политической забастовке и оказали помощь поднявшимся на вооруженное восстание рабочим Москвы. Теперь, в пору отступления революции, рабочие Коломны готовились к новым боям. У них находили убежище преследуемые охранкой большевики.

Владимир не спеша прошелся по главной улице города — Астраханской. Когда же начало темнеть, отыскал Почтовую улицу, что близ Богословского садика. Здесь, на антресолях дома Журавлева, помещалась «коммуна» — общежитие учащихся. Многие гимназисты были членами революционных кружков, а во время первой русской революции часть их вступила в РСДРП. В «коммуне» не раз скрывались подпольщики из Московской «окружки», пока им готовили новые документы.

Утром следующего дня Барышников нашел на Оленьем Вражке дом Барковых, который был явочной квартирой Московского окружного комитета партии. Обойдя дом и убедившись, что «хвостов» за ним нет, Владимир подошел к крыльцу и несколько раз дернул за веревочку звонка.

— Я — Анатолий, приехал погостить к Володе, — произнес он условленную фразу открывшему ему дверь молодому человеку.

— Милости просим, я и есть Володя.

Барковы приютили Барышникова. В их доме было уютно и чисто. Мать Владимира Баркова, Анастасия Ивановна, служившая заведующей земским интернатом, окружила «Анатолия» заботой и вниманием. Она знала, что сын и его товарищи — члены партии, разделяла их взгляды и помогала всем, чем могла.

Барков познакомил Барышникова с Виктором Колтыпиным, по партийной кличке «Наум», возглавлявшим Коломенский комитет партии. И снова началась знакомая и опасная работа — доставка революционной литературы, печатание и распространение листовок, партийные собрания и сходки рабочих, занятия в кружках по изучению Программы партии и материалов партийного съезда.

Барышников быстро вошел в среду коломенских рабочих и стал своим человеком на предприятиях. Он занимался с рабочими в кружке, обучал дружинников боевому делу, выступал на тайных сходках и митингах, которые проходили чаще всего на Парфентьевском лугу, в излучине Москвы-реки.

О новом организаторе «окружки» в Коломне революционер и писатель Иван Андреевич Козлов, находившийся в то время в коломенском подполье, вспоминал: «Он продержался у нас довольно долго. Это был еще совсем молодой рабочий, с задатками хорошего оратора. Он был добродушным и веселым малым, но, когда вел спор с противником, добрые глаза его наливались свинцом и взгляд их делался тяжелым и упрямым. Барышников не имел никакого образования, но очень много и упорно работал над собой. Однажды Володя Барков, у которого жил Барышников, рассказал мне, как тот изучал статью Луначарского «Основы позитивной эстетики» и «Критику чистого опыта» Авенариуса. Его упорство было поистине феноменальным»¹.

Барышникову было хорошо в семье Барковых, но по решению Окружного комитета он не мог подолгу жить на одном месте и менял квартиры.

Реакция свирепствовала по всей России. Аресты следовали один за другим, централы и тюрьмы не вмещали всех арестованных большевиков. Третьеиюньский государственный переворот еще более усилил террор и репрессии, каждому подпольщику грозил «столыпинский галстук».

В ночь с 28 на 29 сентября 1907 года Барков, Колтыпин, Знаменский и Барышников печатали в доме Барковых листовки на гектографе. Около полуночи, окончив работу, Барышников попрощался с товарищами и пошел на свою новую квартиру. Колтыпин и Знаменский остались ночевать у Барковых. Сразу после работы Анастасия Ивановна надежно спрятала листовки и гектограф, помыла пол и стерла следы краски.

За окнами было еще темно, когда в дверь застучали: «Откройте, полиция!» Начался обыск. Как ни старались полицейские, найти ничего не смогли. Составив протокол, ротмистр предъявил Баркову, Колтыпину и Знаменскому ордера на арест. Шел восьмой час утра, когда в дом Барковых без стука вошел Барышников.

— Зачем сюда? Кто? Откуда? — набросились на него полицейские.

— Ищу квартиру, — ответил Барышников, поняв, в чем дело. — Тут, говорят, сдается. Вот мой паспорт.

— Идите, нечего здесь вам делать, господин студент.

— Извините великодушно, что попал не вовремя. Пойду в соседних домах поспрашиваю.

В разговор вмешался Знаменский:

— Ключи у меня со службы, может быть, господин хороший отнесет их?

— Какая может быть служба в воскресенье! — отрезал полицейский.

— У нас сторож дежурит, а завтра ключи непременно понадобятся. Может быть, господин студент делает мне услугу. Я, конечно, отблагодарю...

Барышников согласно кивнул головой и, выслушав, куда отнести ключи, вышел из дома. Не мешкая, он обошел несколько явок, соблюдая при этом все меры предосторожности. Кое-кого удалось предупредить, но не всех: у многих уже побывала полиция. В ту ночь обыски прошли у Юмашевых, Шевлягиных, Златоверховых, Чернышевых, Юкина, Костина, Толстикова, Хондашевского и других.

Тщательно обыскивали полицейские квартиру Колтыпиных. Здесь в их руки попало много нелегальных книг, дневники Виктора, денежные отчеты, партийные инструкции, уставы боевой дружины.

Барышников чудом избежал ареста. Здравый рассудок подсказывал ему немедленно покинуть Коломну. Полиция, несомненно, напала на его след. Но его беспокоила судьба товарищей, да и листовки хотелось забрать из тайника и отдать распространителям. Уверенный, что арестованных уже увезли, он направился в дом Барковых.

Едва Барышников открыл дверь, как на него набросились дюжие молодчики в полицейских мундирах. В доме устроили засаду, и он попался, как птенец в расставленные сети.

— Ну-с, господин Гугичев,— внимательно изучая его документы, проговорил жандармский офицер,— тогда вы искали квартиру, а теперь зачем сюда пожаловали? Что скажете в свое оправдание? Молчите! Квартирку мы вам, конечно, предоставим. Казенную, с решетками на окнах. А до того будет у вас время пораз-

мыслить, назвать своих сообщников, адреса, явки, связанных.

На предварительном следствии Гугичев-Барышников не назвал ни одной фамилии, ни одной явки. Так же стойко держались и другие подследственные, проходившие по «Коломенскому делу». Не добившись ничего, Барышникова отправили в Москву, в Таганскую тюрьму. Дело его попало в руки прокурора Московской судебной палаты.

На следствии и суде он держался стойко. От него не добились ничего, кроме признания в принадлежности к РСДРП, чего он и не собирался скрывать. Чинovníки понимали, что в их руки попала «красная рыба», но раскрыть лицо подследственного не сумели.

— Являетесь ли вы членом Российской социал-демократической рабочей партии? — спросили Гугичева-Барышникова на суде.

Подсудимый с достоинством и гордостью ответил:

— Считаю себя членом Российской социал-демократической рабочей партии, признаю ее программу и работаю в ее интересах².

«Николаевский университет»

За революционную деятельность в Колонне и принадлежность к РСДРП Барышников был приговорен к заключению в крепости сроком на два года. Местом отбывания наказания суд определил московскую губернскую тюрьму.

Сидя в камере-одиночке, Владимир мысленно перебирал ход следствия и суда и испытывал удовлетво-

рение, что ловко провел следователей и судебных заседателей, которые так и не установили его подлинное имя. Но, как оказалось, радоваться было рано.

Вскоре его вызвал к себе начальник тюрьмы.

— Ваша фамилия, имя, отчество? — злорадно ухмыляясь, спросил он.

— Василий Константинович Гугичев, студент. Разве вам не известна фамилия заключенного, пребывающего в тюрьме не один день?

— Вопросы задаю я, ваше дело отвечать. Впрочем, вы правы. Нам все известно, и гораздо больше, чем вы предполагаете. Не студент ты, и не Гугичев, а Владимир Архипов Барышников, отбывавший ссылку в Нарымском крае. Вот так-то, молодой человек. Советую подумать над своим будущим, благо времени для этого предостаточно.

Вернувшись в камеру, Барышников ломал голову: откуда они узнали его настоящую фамилию? Кто его выдал? Что они еще знают?

А дело обстояло просто, никто его не выдавал. При обращении ко взысканию с Гугичева судебных издержек выяснилось, что он проживал в Коломне по чужому паспорту. Объявили розыск, в полицейские отделения многих губерний направили фотографии Барышникова с подробным описанием примет. Вскоре властям удалось установить, кто скрывался под фамилией Гугичева.

«В действительности же он,— говорилось в материалах судебной палаты,— крестьянин Бронницкого уезда, Софьинской волости, деревни Синьковой Владимир Архипов Барышников и личность его могут удостоверить родители Архип и Елена Барышниковы, а также городской Прокофьев, проживающий в Орехово-Зуеве... На дознании названные лица в предъявленной им фотографической карточке признали Владими-

ра Архипова Барышникова, заявив, что в 1906 году он был сослан в Нарымский уезд Томской губернии за принадлежность к социал-демократической партии»¹.

Так перестал существовать заключенный студент Гугичев, а вместо него в тюремную книгу занесли имя В. А. Барышникова. Сам же себя он продолжал именовать студентом «николаевского университета» и считал, что два года крепости следует использовать для пополнения своих знаний.

Камера что клетка — не больше квадратной сажени. Деревянные нары, полка, таз для умывания. На высоком окне — двойные решетки. Здесь он проводит дни и ночи. Лишь в полдень короткая прогулка по тюремному двору под бдительной охраной вооруженных стражников. Убежать отсюда трудно.

С утра он меряет камеру шагами. Четыре шага от двери до окна, столько же обратно. А в голове думы: двигаться, конечно, хорошо, но одной шагистикой не проживешь. Надо заняться делом. Чтобы не пропал ни один час тюремного времени. Знаний у него мало — надо учиться. Приналежь на философию, политэкономию, математику, физику. Не забыть и про военную историю. Барышников знал высказывание Ленина о том, что ни один социал-демократ никогда не сомневался в громадном значении военных знаний, техники и военной организации. Эти знания пригодятся, и очень скоро. Необходимы книги.

На седьмой день Барышников попросил у начальника тюрьмы разрешения получать нужные ему книги. Начальник отнесся к просьбе заключенного с усмешкой:

— Может быть, книжечки Маркса и Ульянова доставить?

— Арестанту положено получать дозволенную литературу. Не разрешите — объявлю голодовку. Другие заключенные поддержат меня.

— Рассмотрим вашу просьбу, — буркнул начальник тюрьмы, — но будете получать лишь литературу, дозволенную цензурой.

Далеко не все арестованные выдерживали тюрьму. Особенно тяжело переносили одиночное заключение молодые узники. Какие только мысли не придут в голову, когда изо дня в день, из года в год ты один!

Книги стали друзьями Владимира. С ними он не томился от безделья, а испытывал недостаток времени. Все было расписано по часам и минутам. Утром — гимнастика, завтрак и занятия. Прогулка, обед и снова книги. Вечером — гимнастика и размышления о прочитанном.

Систематические занятия, умственная и физическая нагрузка помогли Барышникову перенести более чем двухлетнее пребывание в одиночке. Тюрьма не сломила его воли, убеждений и стремления продолжать начатое дело.

Настал день освобождения. 20 февраля 1910 года его вызвали в тюремную канцелярию.

— Советую взяться за ум, — наставлял Барышникова начальник тюрьмы, подписывая выпускные документы. — Ведь так и до петли недолго докатиться. Человек вы молодой, грамотный, способный, могли бы и карьеру сделать. И что только толкает вас на бунт?

— Историческая необходимость!

Хлопнула тяжелая тюремная дверь, и Барышников вышел на занесенную снегом улицу Москвы. Он шел, не зная куда, вдыхая полной грудью холодный зимний воздух. Здесь, на свободе, и воздух казался иным — бодрым и свежим.

Проходя мимо небольшого, казенножелтого цвета здания с вывеской «Почта», Владимир зашел туда, купил конверты, бумагу, марки и написал два письма. Одно — родителям, другое — Маше.

Отцу и матери сообщил, что вышел на свободу и скоро приедет домой. Письмо Маше сочинял долго, обдумывая каждое слово.

«Драгоценно-любезнейшая Маня,— писал Владимир.— Между нами, т. е. мной и тобою, давно признано, что мы лучше выражаем наши мысли через письма, нежели в разговоре... При свидании, Маня, радость наша от созерцания друг друга настолько велика, что мы не можем найти слов для ее выражения; хочется сказать что-то хорошее, теплое, но оно настолько хорошо, что только чувствуется, но не укладывается в мыслях...

Я ясно читал на твоем лице мысли, которые говорили: хорошо бы раз и навсегда остаться вместе, не разлучаясь, и жить теми минутами молчания и наслаждения, при которых забывается обо всем, о страдании, о печали и чувства настолько спокойны, что кажется, тот рай, о котором говорят попы, рай счастья и спокойствия, уже наступил в эти минуты для тебя здесь на земле.

Да, драгоценная! Эти минуты хороши, но действительность жизненная говорит другое. Она сурова — ежедневно поселяет вокруг тебя страдания, от одного взгляда на которые жизнь становится тошной, несносной и хочется бороться, протестовать против нее.

Да, Маня — это единственный путь. Ведь ты теперь испытала высшее счастье в нашей любви, но также испытываешь, как горько всегда разлучают тебя от этих минут фабрика и вся окружающая обстановка. Кругом слышится стон и плач, и разве при них можно наслаждаться любовью. Они действуют на нервы, раз-

дражают их. И вот, Маня, я думаю, ты уже многое поняла из моих немногих строк, если ты любишь не только меня и себя, но и других страдающих и если ты ненавидишь всех угнетающих нас, не дающих спокойно жить и любить, то ты во имя любви и ненависти к гнетущему должна сочувствовать мне и тому жизненному пути, который я избрал. Если чувствуешь себя способною, то будь активной участницей в борьбе с насилием и эксплуатацией. Старайся или, по крайней мере, не мешай стремиться создать жизнь, где тебя не будут отрывать от наших минут и где ты получишь полную возможность любить...

Много еще хочу сказать тебе, но ведь сама видишь, что некогда. Прости за это. Маня, скажу еще, что поешь ты так чудно, что отрывки твоего пения витают над душой.

До свидания, с горячим приветом — твой Володя»².

Несколько дней Барышников прожил в ночлежке, потом отыскал адрес бывшего ореховского текстильщика, члена партии А. А. Хазова и пошел к нему. Авдей Хазов жил нелегально в Москве и имел постоянную связь с Орехово-Зуевом. От него Барышников узнал, что Московский окружной комитет пережил сильный разгром, связи со многими районными организациями порвались, но сейчас постепенно налаживаются. В Орехове полиция и черносотенцы расправились со многими большевиками, арестованы Муранов, Бугров, Горячева и другие.

— Работать стало очень трудно, — вводил Хазов в курс дел своего товарища. — К тому же в промышленности кризис, многие потеряли работу, рабочие боятся бастовать. Но не все большевики в тюрьмах. Мало нас, но рабочие с нашим мнением считаются. Значит, надо брать не числом, а умением. Степан Андреевич Киров, он же Фадеев, создал партийную группу. Поедешь в

Орехово, установи с ним связь, да заодно и литературу передашь. Кое-что для земляков я приготовил.

— Выходит, все начинать сначала?

— Не начинать, а продолжать, Володя. Золотые денечки для реакции и «черной сотни» подходят к концу. Конечно, казни, расправы, преследования запугали некоторых. Но недаром нас, большевиков, называют твердокаменными. Ленин пишет, что миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, какими они были до революции. Они многому научились в невиданной до сих пор в истории России борьбе классов. Ленин предупреждает нас, что в миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое брожение. Так что, дружище, засучай рукава!

До позднего часа сидели земляки и товарищи по партии. Решили, что Владимиру надо съездить в Орехово-Зуево и, если удастся, обосноваться там. Непременное условие успешной работы — осторожность. Безрассудный риск не нужен.

Через неделю Барышников поехал в Орехово. Хазов основательно нагрузил его литературой: работы Маркса и Ленина, повесть «Мать» М. Горького, сборники товарищества «Знание». Доехал он благополучно и литературу доставил в целости. Побывал дома, у стариков, навестил семью старшего брата. Узнал, что Алексей живет в Москве. Вечером Владимир пошел в первую казарму, к любимой.

Он постучал в дверь, ее открыла Маша.

— Володенька! — вскрикнула она и, как маленькая, уткнулась лицом в его грудь. — Проходи, раздевайся, а я за кипятком сбегаю, будем чай пить.

Владимир снял пальто, шапку и сел за стол. Маша быстро собрала чай.

— Надолго приехал или... — она понизила голос и в глазах показались слезы, — опять уедешь?

— Не прогонишь, так навсегда!
— Какой ты большой, сильный, только бледный очень. Не болен ли? А усы, усы-то еще больше отросли!

— Сами с усами,— отшучивался Владимир.
Долго беседовали они за чашкой чая. Когда же Маша стала собираться на работу, Владимир спросил:
— А ты поняла, почему в письме я посоветовал тебе участвовать в нашей борьбе?

— Там все ясно сказано. А вот сейчас не пойму, куда ты клонишь.

— Сватов хочу засылать, Машенька, да не знаю, согласишься ли ты свою жизнь с моей связать. Дела я своего не оставляю, а ты знаешь, как наш брат живет.

— Куда ты, туда и я...

Вскоре они обвенчались, но в Орехове им пожить не пришлось. На третий день после венчания Владимир узнал, что им заинтересовалась полиция. Молодожены быстро уложили вещи и уехали в Москву.

С вокзала они направились на Пресню, где в доме Щетинина жил Алексей с семьей. Работал он на Прохоровской мануфактуре. В то время была безработица, но старший брат помог с работой. Маша устроилась ученицей гладильщицы крахмального белья в прачечной. Жалование не платили, работала за харчи. Владимир перебивался поденной работой на «Трехгорке», заводе Густава Листа, грузчиком в молочной лавке.

В ноябре он побывал в Орехово-Зуеве. Местные социал-демократы решили отметить собранием память Л. Н. Толстого и пригласили Владимира Архиповича докладчиком.

Чтобы не вызвать подозрений, собрались на квартире старообрядца С. Харитонов. Фирма Морозова была старообрядческой, и люди старой веры пользова-

лись покровительством фабричной администрации. Вместе с Барышниковым приехал и Авдей Хазов.

Владимир Архипович сделал небольшой доклад. Говоря о многообразном и сложном, порой противоречивом творчестве великого русского писателя, подчеркивал, что нельзя ставить знак равенства между Толстым-художником, который правдиво отразил в своих сочинениях жизнь народа, и Толстым-философом, проповедовавшим непротавление злу насилием. По воспоминанию присутствовавшего на собрании члена партии с 1905 года Ф. В. Иванова, Владимир Архипович подробно говорил о задачах местной партийной организации, делая упор на развертывании агитационной работы в массах.

Вскоре после собрания полиция арестовала С. Харитонову, который был выслан на два года в Вологодскую губернию. Это заставило Барышникова покинуть родной город.

Уезжая из Орехова, Владимир Архипович думал, что очень скоро вернется сюда. Но жизнь его сложилась так, что разлука с родными на этот раз была особенно длительной.

Он перебрался в Москву и поселился в Замоскворечье. Коммунисты Замоскворечья помогли ему устроиться счетоводом в потребительское общество «Солидарность». Конечно, он продолжал вести революционную работу. «В 1912 году,— вспоминал замоскворецкий рабочий А. И. Агафонов,— собралась группа большевиков, среди которых помню Авдея Хазова, Хорькова, Янкина. Они вели нескончаемые споры с меньшевиками. Наиболее запомнившейся фигурой среди большевиков был Барышников»³.

Владимира Архиповича, несмотря на его молодые годы, уважали за глубокое знание марксизма, большой опыт и организаторскую хватку. В 1911 году Мо-

сковская большевистская организация собиралась направить его в созданную В. И. Лениным партийную школу под Парижем. Но по ряду организационных причин поездка за границу не состоялась. Год спустя Барышников арестовали и сослали в Туруханский край. Потом началась мировая война...

В Орехово-Зуево В. А. Барышников вернулся лишь в начале 1917 года.

Побеждает тот, кто наступает

Ночью 28 февраля 1917 года телеграфный аппарат, установленный на станции Орехово, отстучал секретный приказ железнодорожному начальству: пропускать в первую очередь воинские поезда. Телеграмма сообщала, что старое правительство свергнуто и Государственная дума формирует Временное правительство.

В военное время разглашение тайны каралось строго, и никто из ореховских рабочих не узнал содержания секретной телеграммы. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Приехавшие 3 марта из Москвы солдаты рассказали ореховцам, что в Пскове, в царском поезде, Николай II отрекся от престола в пользу младшего брата Михаила, который, в свою очередь, от престола отказался. Создано Временное правительство.

Весть быстро распространилась по городу. Рабочие остановили станки, вышли на улицы, разоружили полицию и казаков. В розничной лавке Морозова они реквизировали красный батист, мелом и углем написали на алых полотнищах: «Мы требуем 8-часового рабочего дня!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Потом рабочие построились в колонны и, подняв плакаты, двинулись к Никольской мануфактуре. В зимнем воздухе призывно звучала революционная песня «Смело, товарищи, в ногу...».

К вечеру на афишных тумбах и заборах появились белые пятна объявлений:

«От Исполнительного органа Комитета общественной безопасности с. Орехова, Зуева и мест. Никольского.

Объявляется:

1) Временное правительство требует от всех спокойствия и порядка.

2) Всякие забастовки в настоящее время излишни, так как они затрудняют положение нового Правительства.

3) Организована милиция. Ей поручено наблюдать за порядком.

4) Всякое хулиганство, уличное пьянство будет беспощадно подавляться.

5) Рабочих фабрик Исполнительный Комитет просит не оставлять работы и соблюдать дисциплину.

Исполнительный орган Комитета».

Около одного из таких объявлений собралась толпа. Кто-то читал вслух распоряжение неизвестно откуда взявшейся власти, другие, прерывая чтение, вставляли свои замечания:

— Ты смотри, власть новая объявилась. Только кто ее поставил над нами?!

— Орган, да еще исполнительный... Но, по всему видно, не рабочую волю он исполняет. Под дудку господ пляшет...

— Царя сместили, а уж с этим органом как-нибудь управимся!

На другой день были объявлены новые требования комитета. Под запрет попали и забастовки.

Местная буржуазия пыталась взять власть в свои руки и создала в начале марта комитет общественной безопасности из представителей фабричной администрации, купечества, верхушки интеллигенции. Из 38 членов комитета рабочих было только пять. Вершили всеми делами в комитете судебный следователь Альбицкий, фабричный инспектор Кудрявцев, владелец двух гимназий Белавин, трактирщик Бобров, инженер Лоханько и другие представители рвавшейся к власти буржуазии.

Комитет призывал поддерживать Временное правительство, которое, как указывали «комитетчики» в своих объявлениях, «даст нам победу, даст хлеб и свободу... Для этого нам необходимы порядок и спокойствие».

Не надеясь на спокойствие рабочих, комитет создал и милицию, рекрутируя в ее ряды сынков фабричной администрации и купцов. Деньги на содержание милиции отпустило местное купечество. По решению комитета в школах продолжали преподавать закон божий.

Особенно возмущали рабочих призывы продолжать войну до победного конца. 5 марта на улицы города вышли десятки тысяч людей. Они несли плакаты «Долой войну!», «Мы требуем 8-часового рабочего дня!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Народ волновался, а возглавить его было некому. Революционеры-большевики находились в тюрьмах и ссылках. Большевик А. И. Липатов обратился за помощью в партийный комитет Замоскворечья, с которым ореховские социал-демократы с давних пор поддерживали дружественную связь.

По просьбе Липатова вскоре приехали в Орехово-Зуево несколько опытных замоскворецких организато-

ров. Был среди них и хорошо знакомый текстильщиком Е. О. Бумажный (Ефимов).

5 марта при участии представителей Московского Совета в Орехово-Зуеве прошли выборы Совета рабочих депутатов. Избрали 46 депутатов, большинство которых были беспартийными. Многие депутатские места заняли представители фабричной администрации и конторских служащих. Хотя председателем Совета избрали рабочего Мочалина, всей работой управлял ловкий и хитрый секретарь Совета кадет Лоханько. Произошло это по причине слабости Ореховской партийной организации и отсутствия старых, с большим политическим опытом, большевиков-подпольщиков.

6 марта большевики, их было всего семнадцать, провели первое после свержения самодержавия партийное собрание. Избрали временный партийный комитет, в который вошли А. И. Липатов, М. П. Генералов, М. Поликарпов, Г. Королев. Обсудили политическое положение и решили созвать общее собрание рабочих. Цель — добиться решения об отчете Совета с тем, чтобы переизбрать его. Большевики были уверены, что рабочие поддержат их. Так и случилось.

Как только в городе появилось обращение Совета с призывом поддерживать Временное правительство, вести войну до победного конца, не устраивать забастовок, шествий и демонстраций, рабочие возмутились и в сердцах срывали расклеенные повсюду листки.

В середине марта из ссылок и тюрем возвратились многие старые большевики, активные участники первой революции С. А. Киров, И. П. Куликов, А. Н. Муранов. Приехал в Орехово-Зуево и В. А. Барышников.

Прямо с вокзала он пошел к родным жены (его родители умерли, когда он вынужден был скитаться по России). Узнав, что в Зимнем театре сегодня рабочее собрание, поспешил туда.

Большой, двухъярусный зал театра был полон. Люди стояли вдоль стен, в проходах и даже в оркестровой яме. Отчитывался президиум Совета. На трибуну поднялся секретарь Совета кадет Лоханько, но ему не дали говорить. Со всех концов зала зашумели:

— Долой их!

— Хватит с нас этой власти!

— Ты нам скажи, кто тебя и судебного следователя Альбицкого комиссарами назначил?

Резолюция была краткой: Совет распустить и переизбрать.

На предприятиях прошли новые выборы. В президиум Совета избрали, главным образом, большевиков, председателем Совета стал старый большевик Александр Иванович Липатов. В новый состав Совета вошло пять женщин, из которых трое — Татьяна Грачева, Мария Тирана и Анна Веденеева — были членами большевистской партии.

Поздно вечером Барышников и Липатов зашли к Бугрову, который жил в казарме напротив Зимнего театра, рядом с часовой башней.

Игнатий Васильевич обрадовался гостям, усадил их за стол. Все они были полны впечатлений от бурных событий дня, и за чаем разговор шел о создавшемся положении в городе: как покончить с так называемым временным исполнительным комитетом, в котором «всякой твари по паре», как сделать всевластными Советы и организовать подлинно рабочую милицию?

— Партийную организацию надо укрепить и расширить, — сказал Бугров.

— Верно, — согласился Барышников. — Именно этого требует от нас Областное бюро ЦК партии. Нам надо на каждом предприятии иметь крепкую партий-

ную организацию. Не все еще поняли, что мы теперь не в подполье. Прежние организационные методы и формы, которые были хороши для нелегальной работы, не всегда подходят к условиям открытой борьбы.

Обсудив ближайшие дела, гости собрались уходить, но Игнатий Васильевич не отпускал их: «Не торопитесь, столько времени не виделись». Липатов не остался и ушел, сказав, что у него есть дела в милиции. А Владимир Архипович и Игнатий Васильевич засиделись до позднего часа, рассказывая друг другу о своем житье-бытье в последние годы.

— Меня в восьмом году взяли,— вспоминал И. В. Бугров.— Ты же знаешь нашу ореховскую манеру делать все с размахом. Хотя в «окружке» твердили, что нельзя проводить массовки, у нас все же решили собрать большое собрание. Не менее сотни рабочих пришли на Мельницу. Доклад подорганизатора района о текущем моменте успели выслушать, а отчет райкома и выборы делегатов на окружную конференцию помешали провести казаки. Люди побежали, прыгали в Клязьму, многие сумели вплавь перебраться на другой берег. А ведь май, вода что лед. Подорганизатора мы сумели вывести, а меня, Муравьева и еще кое-кого схватили. Дальше все как по писаному: Владимирская тюрьма, следствие, суд. Четыре года одиночки, а потом ссылка в Иркутскую губернию. Как узнал, что царя скинули, подался домой. Ну, а у тебя как все сложилось?

Владимир Архипович рассказал о партийной работе в Замоскворечье, которую прервал арест. Из ссылки он вернулся в Москву, но полиция следила за ним. Вместе с Машей поколесили они по России: побывали и на Волыни, и на Владимирщине. Потом переехали в Москву. Барышников работал в Союзе потребительских обществ. Место удобное: мог разъезжать по всей

России и заниматься партийными делами. В период войны по решению партии вел работу в армии. Числился интендантским чиновником, носил полувоенную форму.

— Меня не раз земгусаром называли, терпел, а что сделаешь? К земгусарам полиция не придиралась! Приезжая в воинские части, привозил солдатам листовки и большевистские газеты.

— Ты теперь один сюда приехал или с Машей? — спросил Бугров.

— Они с сыном пока в Москве, скоро здесь будут.

— Так оставайся у меня. Теперь нам, брат, полиция не страшна. А с эсерами, меньшевиками и прочей нечистью управимся.

— Ну, что ж. Останусь, если не стесню.

Постелили на полу и легли рядом. Обоим не спалось. Вспоминали товарищей, которые не дожили до новой революции.

— Поредели наши ряды,— вздохнул Бугров,— словно частым гребешком вычесали. Вот и Бабушкина нет с нами. Расстреляли. Стойко он держался. Даже перед казнью имя свое не назвал.

— Я об этом в ссылке узнал,— сдавленным голосом ответил Барышников.— Иван Васильевич всем нам пример — жизнью, борьбой и смертью...

Водоворот событий захватил Барышникова. 8 апреля его избрали председателем президиума Орехово-Зуевского комитета РСДРП(б). В комитет вошли также старые большевики-подпольщики С. А. Киров и И. П. Куликов. В середине этого же месяца на первой после Февральской революции Московской окружной конференции В. А. Барышников стал членом Окружного комитета партии.

Теперь он чаще, чем раньше, бывал в Окружном комитете, помещавшемся в Капцовском училище, и чувствовал себя как дома в большой, всегда полной людей комнате, уставленной столами. За одним столом сидел секретарь. Это — явка. За другим — «техник». Третий стол — секретаря или члена бюро. За ним нередко сидел Владимир Архипович. Здесь продавали и распространяли литературу и газеты, принимали заказы на лекции, распределяли по местам докладчиков.

За большим секретарским столом проводили заседания бюро и комитета. Обсядут стол члены комитета, приехавшие с мест партийные работники, вопросов в повестке дня много, заседания нередко затягивались до позднего часа. В обсуждении принимали участие не только члены Окружного комитета, но и все коммунисты, которые находились здесь.

Работники Окружного комитета партии постоянно выезжали в города и села области. Особенно часто туда, где было слабым влияние большевиков и крепко засели меньшевики и эсеры.

В Орехово-Зуеве влияние большевиков было безраздельным, имелись авторитетные партийные работники — Барышников, Бугров, Хазов, Каравай... Сюда докладчиков и агитаторов Окружной комитет посылал редко.

Влияние Орехово-Зуевской организации большевиков быстро росло и охватывало не только город, но и соседние с ним районы. Члены партийного комитета часто выезжали в Дулево, Дрезну, Городищи и другие места. Особенно много ездил Барышников, страстно и горячо выступавший на митингах и собраниях. Его речи приводили в ярость врагов революции. Владимир Архипович владел искусством слова, и товарищи называли его революционером-трибуном. Говорил он без внешней рисовки, покоряя слушателей силой

логики, верой в торжество революции, убежденностью в правоте большевиков. Как отмечала «Правда», «на 20—30-тысячных митингах тов. Барышников выступал с большим успехом и был любимцем всего рабочего района»¹.

Когда стало известно, что дрезненский Совет рабочих депутатов попал под идейное влияние меньшевиков и эсеров, туда послали Барышникова. Разобравшись в обстановке, он выступил на рабочем собрании. Его речь убедила текстильщиков Дрезны, собрание приняло решение произвести пере выборы Совета и начальника милиции.

В Дулеве, во время выступления Барышникова на митинге фарфористов завода «Т-ва М. С. Кузнецова», группа служащих пыталась выкриками помешать ему говорить. Рабочие оттеснили конторщиков, выслушали речь руководителя ореховских большевиков до конца и приняли революционную резолюцию.

«С политическим противником,— вспоминает член КПСС с 1912 года М. И. Петраков,— Барышников был остр и быстро разоблачал его. Владимир Архипович умел владеть и руководить массами людей. Все, кто знал Барышникова, обращали внимание на его замечательные качества не только организатора крупного масштаба, но и блестящего оратора. В. А. Барышников понимал силу большевистского слова. Этот трибун успевал выступить до четырех раз в день — в Орехове, Дулеве, Ликине, Дрезне, что требовало огромного умственного и физического напряжения».

Совет, руководимый Барышниковым, Бугровым, Липатовым и другими большевиками, постепенно забирал всю полноту власти. Правление фабрик С. Морозова было вынуждено признать Совет рабочих депутатов и согласилось платить жалование членам исполбюро Совета и членам фабрично-заводского ко-

митета. В апреле 1917 года по требованию Совета фабриканты ввели на предприятиях восьмичасовой рабочий день. Рабочих нанимали только через биржу труда. Совет контролировал снабжение продовольствием, ведал распределением квартир, следил за уровнем заработной платы. Депутаты вели учет запасов сырья и топлива, проверяли выполнение постановлений Совета.

3 апреля в Петроград прибыл из эмиграции В. И. Ленин. Пролетарии Орехово-Зуева телеграммой горячо приветствовали приезд вождя: «Орехово-Зуевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), по постановлению общего собрания членов партии, шлет пролетарский привет передовому борцу революционной армии Интернационала, оставшемуся верным ему, несмотря на всеобщий угар»².

Ореховские большевики единодушно одобрили Апрельские тезисы В. И. Ленина. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) записала в своих протоколах: «Орехово-Зуево. Партийная организация лучше, строже требования. Количественно силы партии меньше — 300—400 человек, но только большевики пользуются огромным влиянием. Есть Совет. Требуется помощь центра»³.

На конференции сообщалось, что фабрично-заводские районы являются главными пунктами партийной работы, крестьяне идут вместе с рабочими. Ведется работа по созданию профессиональных союзов. В Орехово-Зуеве и Богородске уже имеются крупные организации металлистов. Установлен рабочий контроль над производством. Введен восьмичасовой рабочий день. В праздновании 1 Мая принимали участие самые широкие массы: рабочие, крестьяне и военнопленные.

Первый праздник трудящихся, отмечавшийся в условиях выхода партийной организации из подполья, в

Орехово-Зуеве принял действительно грандиозный размах. Состоялась демонстрация, в которой участвовало больше 50 тысяч человек. Среди демонстрантов было много женщин и выделялась колонна военнопленных. В 10 часов утра под музыку оркестра с пением революционных песен колонны двинулись к рабочему театру на митинг. Речи говорились на русском, немецком и польском языках. Военнопленные приветствовали русскую революцию. Большим успехом пользовался первомайский листок, выпущенный большевиками.

После митинга демонстрация прошла через Новую стройку и Орехово, двинулась за Клязьму, в Зуево, где около гражданского комиссариата состоялся новый митинг.

Участницы этой демонстрации ореховские работницы М. Тиранина, А. Климентова, Е. Горева и другие вспоминали: «...Только к 7 часам вечера демонстрация закончилась. Несмотря на такое длительное время, колонны демонстрантов не только не редели, а пополнялись. Город был украшен лозунгами, плакатами, руководители раздавали участникам красные ленты, многие женщины были в красных кофточках и красных косынках. Лучшие организаторы и ораторы из большевиков — Бумажный-Ефимов, Барышников, Киров были в красных рубашках, сшитых нашими работницами»⁴.

Взять власть рабочим было нелегко. Буржуазия не хотела уступать своих позиций, их приходилось завоевывать.

Буржуазия пыталась задуть революцию голодом. Фабриканты сохранили за собой право снабжать рабочих продовольствием через харчевые лавки. Несмотря на обещания, данные во время войны, не набавлять цены на продукты, дороговизна росла. Товары в

харчевых лавках отпускались по ценам, которые в четыре-пять раз превышали довоенные.

Продуктов не хватало. Измученные работницы часами простаивали за хлебом. Некоторые падали от истощения и усталости. Ведь в семьях, где мужчины были призваны в армию, усланы на фронт, женщины несли на себе все бремя труда и забот. Приспешники предпринимателей, не желая снижать цены, умышленно портили продукты: обливали керосином мясо, рыбу и зарывали в землю. Голодающие люди выкапывали эти продукты и употребляли в пищу.

Дороговизна заставила рабочих весной 1917 года предложить правлению фабрик увеличить зарплату по сравнению с довоенной на 404 процента. Но правление категорически отказало. Дело направили в конфликтную комиссию Московского Совета. Орехово-зуюевцы согласились на обсуждение дела в комиссии при условии, если она будет состоять в большинстве своем из рабочих и срок ее работы займет не более десяти дней.

В комиссии не удалось достигнуть соглашения, и дело решили передать в третейский суд. Выступая на комиссии, Барышников сказал:

— Мы согласны передать наши требования в третейский суд. Но одновременно с этим сообщим о положении дел в Орехово-Зуеве ЦК РСДРП(б) и будем следовать полученным от него директивам.

Третейский суд начал работу 7 июня. В него входили представители рабочих (И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Барышников и другие), фабрикантов, а су-перарбитром был министр С. Н. Прокопович. Когда разгорелся спор, на скольких станках работать, и представитель фабрикантов попытался припугнуть рабочих безработицей, Барышников прервал его:

— От бедствий безработицы нас никто не спасет

при капиталистической системе. От нее избавит нас социалистическая революция, к которой мы идем.

На третейском суде представители рабочих одержали победу.

Фабриканты знали, что во Временное правительство входят их ставленники, и очень хотели, чтобы это правительство было прочным и единовластным. Временными они считали Советы и ждали подходящего момента для захвата власти, ареста и казни руководителей большевиков.

Готовились к боям и большевики. В. И. Ленин предупреждал, что двоевластие — явление временное и мирное развитие революции во многом зависит от поведения буржуазии.

Орехово-Зуевский Совет бойкотировал все распоряжения Временного правительства. Видя это, купцы, домовладельцы, духовенство и совет союза служащих собирали силы для удара по большевикам и захвата власти. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, большевики решили создать боевую дружину. Вопрос этот вынесли на обсуждение партийного комитета. Заседание затянулось и длилось более трех часов. Когда начали разбирать ошибки, допущенные при формировании дружины в 1905 году, один из членов парткома недовольно сказал:

— Нечего ворошить прошлое. Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Не к месту привел пословицу, — возразил И. В. Бугров. — На ошибках учатся. Их надо знать и впредь не допускать. Если помните, дружинники были вооружены в пятом году разнокалиберным оружием. Не создали разведку, не знали планов врага, связь не наладили. Даже московским рабочим во время декабрьского вооруженного восстания не сумели помочь.

На партийном комитете утвердили штаб боевой дружины: начальник штаба — В. А. Барышников, секретарь — М. М. Каравай, члены — И. П. Куликов, А. А. Хазов, И. И. Федин, И. С. Богатов, М. И. Петраков. Барышникову поручили организовать отделы штаба: разведку, связь, топографический, строевой и оружейный. Политическую разведку возглавил М. И. Петраков.

Дружинниками объявлялись все члены партии, способные носить оружие. Принимались также беспартийные рабочие, за которых ручались члены партии. Начальнику штаба поручили создать боевые дружины в Дулеве, Ликине, Дрезне, Покрове, Усаде, Костереве. Установили тесную связь с железнодорожниками Павловского Посада и Петушков. Сделано это было на случай боевых действий против контрреволюционеров: железнодорожники могли затормозить продвижение вражеских поездов и быстро пропустить свои.

Впоследствии дружинники стали называть себя красногвардейцами и носили на рукаве алые повязки с надписью «Орехово-Зуевская Красная гвардия».

Развернула действия политическая разведка. В начале июня в руки М. И. Петракова попала копия секретного приказа Временного правительства 215-му запасному полку во Владимире и 21-му полку в Покрове об аресте В. А. Барышникова и других руководителей ореховских большевиков и разгоне Совета рабочих депутатов. Петраков доложил о приказе Барышникову. Собрали партийный комитет, на котором решили в строго конспиративном порядке расширить и укрепить ряды Красной гвардии. Но где взять оружие для всех красногвардейцев?

— А если попробовать получить его в Покровском гарнизоне, — предложил Петраков. — Свои люди у нас там есть, а офицеры охочи до вина...

— Дело придумал,— одобрил Барышников, выслушав план операции,— тебе и поручим его осуществить.

Через солдат-большевиков установили связь с офицерами, несколько раз приглашали их на спектакли в Зимний театр. Однажды после спектакля пригласили отобедать. К столу подали спирт. Господа офицеры пили охотно и много, скоро захмелели. Тут им и подсунули требование на получение с гарнизонного склада винтовок и боеприпасов. Не разобрав толком, в чем дело, они подписали бумагу. Пока подгулявшие офицеры спали и опохмелялись, грузовик с вооруженной охраной привез из Покрова 300 винтовок и 61 тысячу патронов к ним. Красная гвардия получила оружие.

С помощью политической разведки партийный комитет и Совет узнали в июне, что через Орехово-Зуево проследует на фронт крупная воинская часть. Решили задержать состав и распропагандировать солдат. Во все казармы направили гонцов. Они прошли по коридорам и, стуча колотушками, кричали: «Все на станцию встречать солдат!», «Долой войну!», «Не пускать эшелоны на фронт!».

У театра собрался большой митинг, на котором выступил Барышников. Он говорил о братоубийственной империалистической войне, о том, что Временное правительство снова гонит солдат на смерть.

— Наша задача,— обратился он к собравшимся,— рассказать правду солдатам о грабительской войне. Первое слово за вами, товарищи женщины. Расскажите, что принесла война вашим семьям.

После митинга Барышников позвал к себе Юнкерову, Силантьеву, Барышникову и других женщин. Он посоветовал им собрать побольше ткачих и с детьми идти к солдатам.

— И ты, Маша,— сказал он жене,— сына возьми.

С оркестром и песнями пошли к вокзалу. Впере-

ди — женщины с детьми. Подошел эшелон, его окружили работницы.

— Куда вы едете? На убой! А как нам жить без мужей и отцов? Взгляните, какими мы стали, как бледны и худы наши дети...

Многие солдаты плакали. Толпа заняла все подъезды. Чиновник Федзюкевич, правый эсер, пытался урезонить собравшихся и, обращаясь к ним от имени Временного правительства и Викжеля, просил разойтись. Матрос Алексей Писарев крепко схватил чиновника за руку:

— Убирайся отсюда, пока тебя солдаты в юбках в могилу не списали!

Встревоженные нашествием женщин, вдоль вагонов бегали офицеры. Растерявшийся полковник, командир эшелона, кричал:

— Господа, где начальник станции, где комендант, где они все? Это анархия!

Полковник приказал трубить сбор, но Алексей Писарев подскочил к трубачу, закрыл ладонью трубу и, надвинув солдату картуз на глаза, сказал:

— Ты, браток, не шуми, а то наших дамочек испугаешь.

Эшелон задержали. А когда он отошел от вокзала, многих солдат недосчитались в вагонах: они остались в Орехове.

Шли дни, и рабочие все больше убеждались в антинародной политике Временного правительства. Провал июньского контрнаступления на фронте вызвал стихийную демонстрацию в Петрограде, которая была расстреляна войсками Временного правительства. Буржуазия начала осуществлять план разгрома революции.

Сообщение о кровавых событиях в Петрограде 4 июля и о разгуле контрреволюции вызвало в Орехо-

во-Зуеве возмущение и протест рабочих. По призыву большевиков 5 июля на час остановились все предприятия. Когда же фабричные гудки известили об окончании смены, более 25 тысяч рабочих построились в колонны и прошли через город, неся плакаты: «Долой министров-капиталистов!», «Долой грабительскую войну!».

Нескончаемой лавиной шли демонстранты: рабочие, вооруженные отряды Красной гвардии. «Чистую публику» словно ветром смело с улиц. Окна домов купцов и фабричной администрации были плотно завешаны, двери замкнуты на двойные запоры. На многотысячном митинге была принята резолюция с гневным протестом против расстрела демонстрации в Петрограде.

Наступил решающий час, буржуазия перешла в наступление. Начались аресты большевиков, охотились за Лениным, была закрыта «Правда». В Орехово-Зуеве контрреволюция не посмела поднять голову: вооруженные рабочие стояли на стороне большевиков и большевистского Совета. Барышников и его товарищи в эти дни не появлялись дома, не смыкали глаз и ночью.

В ответ на разгул реакции и предательство меньшевиков, общее собрание ореховских рабочих постановило: «Ввиду того что Совет рабочих депутатов строго стоит на страже рабочих интересов, проводя идеи рабочего класса в жизнь, мы, рабочие, еще раз подчеркиваем, что согласны на самообложение в фонд Совета рабочих депутатов и требуем от конторы фабрик Саввы и Викулы Морозовых ежемесячно, включая сюда февраль, март и т. д., отчислять с заработка рабочих 1 процент». Собрание постановило отчислять «на литературу в окопы» из фонда Совета по 300 рублей и посылать на фронт исключительно революционную литературу, а из газет — «Правду» и «Социал-демократ».

8 июля состоялось общегородское собрание членов РСДРП(б). Проходило оно в Зимнем театре, который стал штабом большевиков.

В докладе о работе комитета Барышников сообщил, что партийная организация насчитывает до тысячи членов и имеет большое влияние на Совет, профсоюзы и кооператив. Запись в партийную организацию производится по рекомендации двух членов партии. Он подчеркнул, что коммунист обязан блюсти честь партии и что в нынешнее трудное время некоторые ведут себя ниже всякой критики. Барышников предложил всем, кто не считается с партийной дисциплиной, выйти из партии.

Собрание избрало делегатом на Всероссийский съезд партии с правом решающего голоса В. А. Барышникова.

Делегация московских большевиков, сорок человек, отправилась на VI партийный съезд в Петроград. Делегаты Москвы и Московской области ехали вместе, в одном вагоне. Дорогой всю ночь обсуждали повестку дня съезда и договорились о совместных выступлениях по всем вопросам. С вокзала Барышников с группой делегатов отправился в Петроградский комитет, на Выборгскую сторону.

Съезд открылся 26 июля в Выборгском районе. Как и все делегаты, Барышников заполнил анкету с многочисленными вопросами. Часть из них касалась партийной организации, которую представлял делегат.

«Какие существуют другие организации?» — гласил второй вопрос. «Никаких», — четко вывел Владимир Архипович.

«Является ли организация чисто большевистской или объединенной?» — «Чисто большевистской».

Отвечал кратко и точно.

«Роль местной организации в Совете?» — «Руководящая».

«Общая физиономия Совета?» — «Большевистская».

«Роль организации в беспартийных организациях?» — «Всюду руководство нашей партии».

Заполнив анкету, еще раз перечитал ответы, довольно улыбнулся и поставил свою подпись.

В течение недели триста большевиков заседали в самом гнезде своих врагов. Шпики Керенского оказались бессильны перед конспиративным искусством большевиков, которые прошли школу подпольной работы.

Чтобы не выдать буржуазии руководящее ядро партии, приходилось скрывать места заседаний съезда. Делегаты собирались на заседания в рабочих районах на Выборгской стороне и за Невской заставой. Собирались и расходились скрытно, в перерывах рассеивались в уличном движении, сидели в рабочих чайных. Ночевали в разных местах.

Слушая доклады и выступления делегатов, Барышников испытывал удовлетворение: в Орехове они все делали, как требовала партия, Ленин. Главные положения экономической программы большевиков, утвержденной съездом, уже осуществлялись в Орехово-Зуеве. Установлен рабочий контроль над производством и распределением продуктов силами Советов и профсоюзов. Под влиянием большевиков находятся профессиональные союзы, молодежь.

Съезд прошел организованно, его решения были направлены к одной цели — подготовке рабочего класса и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию, проведению социалистической революции.

Один вопрос беспокоил Барышникова, но и на него

съезд дал исчерпывающий ответ. В новой политической обстановке, сложившейся после июльских событий, партия отказалась временно от лозунга «Вся власть Советам!». А как быть с теми Советами, которые, подобно Орехово-Зуевскому, находились под полным влиянием большевиков? Съезд указал, что партия, как передовой борец против контрреволюции, должна «...энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права; отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»⁵.

Как только съезд закрылся, Барышников выехал домой. 7 августа он выступил на городской партийной конференции, которая полностью одобрила решения VI съезда РСДРП(б). Митинги и собрания с разъяснением боевых решений съезда прошли на всех фабриках и в воинских гарнизонах. Под лозунгами партийного съезда готовили большевики выборы в городскую думу. Они проводились впервые в связи с решением Временного правительства, принятым по ходатайству местного Совета, об объединении местечка Никольского, погоста Орехово и села Зуева в город.

Выборщикам предстояло избрать гласных из пяти списков. Социал-демократы — большевики проходили по первому списку. В остальных четырех — кандидаты местной буржуазии и фабричной администрации, эсеры, меньшевики. Муниципальная платформа большевиков требовала прекращения войны, всеобщего избирательного права, национализации земель. Она полностью отвечала интересам трудового народа.

В день выборов, 20 августа, людно было в местах подачи голосов. Выборы принесли победу большевикам: 56 гласных думы из 74 были представителями РСДРП(б).

Эта победа еще больше озлобила контрреволюционеров. Петраков почти каждый день докладывал партийному комитету о раскрытых заговорах, подготовке террористических актов, подпольных складах оружия, обнаруженных политической разведкой.

27 августа в Зимнем театре шло городское партийное собрание. С докладом о текущем моменте выступал В. А. Барышников. Когда собрание подходило к концу, ему подали телеграмму с сообщением о выступлении генерала Корнилова. Тотчас собрали экстренное заседание членов районного комитета партии и исполнительного бюро Совета. Решили призвать рабочих к беспощадной борьбе с контрреволюционной авантюрой Корнилова, разъясняя, что делается это не для поддержки Временного правительства, а для защиты революции. Разосланные по всем предприятиям гонцы сняли с работы красногвардейцев.

Более трехсот вооруженных бойцов поступило в распоряжение созданного революционного комитета, председателем которого утвердили В. А. Барышников. В течение нескольких часов патрули заняли железнодорожную станцию, телеграф, телефон, банк, мосты.

В Орехово-Зуеве, как и в большинстве текстильных центров, за годы войны преобладающим стало женское население. Текстильщицы — народ боевой, решительный. В этот трудный для революции час Владимир Архипович собрал женщин-активисток и дал каждой из них задания. Многие работницы несли дежурство на почте, телеграфе, телефонной станции Орехова. Работницы Медова, Бражникова, Смирнова, Межкова и дру-

гие распространяли большевистские газеты «Правда», «Социал-демократ» и «Известия Орехово-Зуевского Совета рабочих депутатов» среди рабочих Орехова, Владимира, Ундола, Собинки, Павловского Посада, Богородска.

2 сентября Зимний театр заполнили рабочие. Они внимательно слушали выступления М. М. Карая, С. А. Кирова и других большевиков. Взволнованно звучал голос Барышникова:

— Поход мерзавца и прислужника царского самодержавия Корнилова есть поход против революционного пролетариата... Мы и сейчас считаем контрреволюцию неликвидированной. В министерствах заседают кадеты. Главари контрреволюции разгуливают на свободе, а большевики и интернационалисты сидят в тюрьмах. Мы будем продолжать борьбу до полной победы и установления диктатуры пролетариата.

Рабочие дружно проголосовали за резолюцию: «Мы немедленно требуем: передачи власти органам революционного пролетариата и беднейшего крестьянства, ареста всего ЦК кадетской партии, немедленного освобождения товарищей большевиков и интернационалистов, предания всех контрреволюционных генералов суду с участием в нем представителей петроградского пролетариата. Будем поддерживать и выйдем по первому призыву ЦК РСДРП(б)»⁶.

На другой день Зимний театр опять был переполнен. На сцене под красными знаменами и лозунгами сидели гласные думы: слева — большевики, справа — их противники. Председательствовал И. В. Бугров. Представители партий выступали с изложением своих муниципальных программ.

В своих декларациях меньшевики и эсеры заявили, что они снимают с себя всякую ответственность за работу думы и не будут принимать в ней участия.

— Сделайте милость,— гудит зал.— От вас проку, что от козла молока!

На трибуне большевик И. П. Куликов. От имени фракции большевиков он оглашает декларацию:

— «Нам, гласным социал-демократам — большевикам, по воле местных избирателей, подавших за нас более трех четвертей голосов, надлежит стать господствующей фракцией, имея за собой абсолютное большинство...»

Дума единогласно постановила присоединить Орехово-Зуево к Московской губернии. По предложению фракции большевиков председателем городской управы избрали В. А. Барышникова, а товарищами председателя — С. А. Кирова и А. А. Хазова.

Зал приветствовал первого председателя управы. Он стоя отвечал на приветствия — худощавый, лицо бледное от напряжения.

— Программной речи произносить не буду,— когда утих зал, сказал Владимир Архипович.— Я большевик, и вы хорошо знаете программу большевиков. Думаю, что есть необходимость от имени думы направить наши требования открывающемуся в Петрограде всероссийскому демократическому собранию.

Он громко зачитал эти требования: разрыв с буржуазией, передача власти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян, вооружение рабочих и революционных солдат.

В зале зазвучали аплодисменты. Недовольны были лишь эсеры. Они демонстративно, под свист и шиканье рабочих, покинули собрание.

Борьба с корниловщиной упрочила и расширила влияние большевиков, оживила деятельность Советов. Массы требовали перевыборов Советов, что означало

изгнание из них соглашателей, большевизацию органов власти. Уже через месяц после VI съезда партии лозунг «Вся власть Советам!» снова стал жизненным и актуальным. Только теперь это был лозунг не мирного развития революции, а призыв к свержению Временного правительства и передаче власти в стране большевистским Советам.

В середине сентября В. И. Ленин написал два исторических по своему значению письма: «Большевики должны взять власть», адресованное Центральному, а также Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), и «Марксизм и восстание». Изложенный в этих письмах план подготовки и проведения вооруженного восстания предусматривал внезапное, единовременное выступление обеих столиц.

Однако Московский комитет к тому времени еще не выработал твердой и ясной линии в определении задач, стоявших перед партией в связи с подготовкой вооруженного восстания, и занимал выжидательную позицию. В статье «Кризис назрел» В. И. Ленин еще раз в категорической форме потребовал преодоления ошибочной линии, направленной против немедленного взятия власти. Серьезные успехи московских большевиков на сентябрьских выборах в районные думы позволили Ленину поставить вопрос о возможности начала вооруженного восстания в Москве. 1 октября Ленин направил новое письмо большевикам Питера и Москвы.

Письма В. И. Ленина в первых числах октября обсуждались на совещании группы руководящих работников Московского комитета, Областного бюро и Московского окружного комитета, состоявшемся на квартире члена МК В. А. Обуха. «Был очень оживленный обмен мнениями,— вспоминал присутствовавший на совещании О. А. Пятницкий.— Вопрос о восстании не

вызывал разногласий, спорили о том, начинать ли выступление в Москве... Большинство признало, что начать восстание в Москве вряд ли возможно»⁷.

Позиция Московского окружного комитета в основном не отличалась от позиции МК. Таким образом, итоги обсуждения ленинских писем о вооруженном восстании в Московской организации большевиков показали, что вследствие сложной политической обстановки для значительной части руководящих работников все еще оставался неясным вопрос о начале вооруженного восстания.

У Барышникова никаких колебаний по этому поводу не было, и он со всей настойчивостью отстаивал ленинский план подготовки восстания. «Перед Октябрем,— свидетельствует «Правда»,— на совещании о предстоящем перевороте, обсуждая письмо тов. Ленина, со свойственной ему решимостью тов. Барышников настаивал на том, чтобы немедленно приступить к организации восстания и резко осуждал московские колебания»⁸.

Эту единственно правильную, ленинскую линию Барышников отстаивал в Окружном комитете, губисполкоме и твердо проводил ее в Орехово-Зуевском районе.

14 октября, когда все партийные организации получили указание Центрального Комитета быть готовыми к вооруженному восстанию, орехово-зуевские большевики созвали расширенное заседание Совета рабочих депутатов, на котором присутствовали представители Павловского Посада, Ликина, Дулева, Дрезны, Собинки и других рабочих поселков. Барышников делал доклад о текущем моменте.

— Политика Советов,— сказал он,— все более и более толкается жизнью на позицию решительной борьбы... Буржуазия пытается вызвать рабочих на раз-

рошенные выступления неорганизованного характера... Но она чувствует свое бессилие... Буржуазия готовится к решительному наступлению на пролетариат, и пролетариат должен быть готов к отпору... На днях может быть открытое столкновение.

Сообщив, что Московский Совет решил выступить одновременно с пролетариатом Петрограда, Барышников подчеркнул:

— Даже если буржуазия не выступит первой, то пролетариат должен выступить. В конце концов, побеждает тот, кто нападает, и, если вы хотите победить, нападайте!⁹

Зал ответил на призыв своего вожака возгласами «ура» и дружными аплодисментами. Пленум Совета избрал делегатов на Второй всероссийский съезд Советов: Барышникова, Бугрова и еще нескольких большевиков. Но события развернулись так стремительно, что выехать в Петроград Барышникову не пришлось.

Обстановка в городе была сложной. Трудности, вызванные войной, усугубились враждебными действиями контрреволюционеров. Тяжело жилось рабочим. Продукты вздорожали в десять — пятнадцать раз и были большинству текстильщиков не по карману. Капиталисты останавливали предприятия, оставляя рабочих без куска хлеба.

Крупный чиновник Временного правительства и фабрикант Смирнов под предлогом отсутствия сырья и топлива остановил Ликинскую прядильно-ткацкую мануфактуру, хотя на предприятии имелся трехмесячный запас хлопка и достаточное количество торфа и дров, два миллиона метров тканей на складе. В Орехово-Зуеве фабриканты закрыли ситцепечатную фабрику. Заместитель управляющего по прядильным фабрикам англичанин Чарнок поджег склад с хлопком. С большим трудом удалось погасить пожар, растащить кипы

с хлопком, но они долго еще тлели. Чтобы развалить потребительское общество, администрация потребовала возврата своих многотысячных паевых взносов.

Жизнь каждый день подтверждала правоту В. И. Ленина, считавшего, что восстание назрело. Набатом звучали передовые статьи орехово-зуевских «Известий»: «На пролетариат готовится нападение!», «Буржуазия объявила войну революции!», «Власть Советам или гибель революции!».

Подготовку к восстанию в городе возглавил революционный комитет во главе с В. А. Барышниковым. Была установлена прочная связь с Москвой, Владимиром, Покровом. 21 октября ревком мобилизовал более трехсот красногвардейцев.

Решительные меры к свержению контрреволюционных органов власти предприняли большевики Подмоховья. Руководство всем ходом борьбы за установление Советской власти на местах осуществлял в контакте с Боевым партийным центром президиум Московского губернского Совета рабочих депутатов. В него входили А. Владимирский, В. Соловьев, В. Барышников, И. Арманд, А. Пирейко, Н. Мещеряков и другие.

Получив весть о восстании в Петрограде, Орехово-Зуевский ревком немедленно взял власть в свои руки, о чем газета «Социал-демократ» сообщала 27 октября из Орехово-Зуева: «Был избран революционный центр, который начал свои действия. Поставили вооруженную стражу из Красной гвардии у телефонов, на станции и по всем дорогам; так как в это время было совещание предпринимателей, то решено было их задержать, чтобы ничего не могли вывезти, например, деньги из касс фабрик. Издан приказ, чтобы все лошади, принадлежащие фабрикам, были отданы всецело в распоряжение революционного комитета. Постановлено

охранять банк, а также конфисковать автомобили. Ждут к часу дня прихода солдат Покровского гарнизона для помощи».

По приказу ревкома был приведен в боевую готовность 21-й запасной полк в Покрове, о чем покровский уездный комиссар сообщал во Владимир: «Настрое-ние города тревожное. 21-й запасной полк всецело на стороне большевиков. Полковой комитет постановил занять почту, телеграф, телефон и казенные учреждения».

В полдень Барышникову сообщили по телефону:

— Товарищ председатель ревкома, заведующий банком скрылся с деньгами, касса пуста.

— Немедленно организуйте поиски и арестуйте его.

Вскоре вор-заведующий был снят с поезда на станции Дрезна и арестован. В его чемодане обнаружили 45 тысяч рублей. И хотя заведующий сопротивлялся и кричал, что не подчинится «бандитам» и отдаст деньги «только их законному владельцу Рябушинскому», украденная сумма была возвращена в банк.

Силы революции росли. Рабочие и работницы засыпали штаб Красной гвардии просьбами о зачислении в боевые отряды. Красногвардейцы рвались в Москву, где шли бои. Но в Московском военно-революционном комитете преобладали примиренческие настроения. Вместо немедленной мобилизации всех революционных сил и решительного наступления на врагов революции, ревком стал на путь переговоров с Комитетом общественной безопасности. Воспользовавшись этим, юнкера заняли Манеж, Кремль и другие стратегические позиции.

Замедление боевых действий в Москве сказалось на настроении красногвардейцев Орехово-Зуева. Московский окружной комитет партии предупреждал ореховцев, чтобы они воздерживались от выступления на

помощь Москве, но держали отряды в боевой готовности и охраняли подступы к столице.

Нелегко было охладить пыл и сдержать вооруженных рабочих, рвавшихся в Москву. Недовольством красногвардейцев воспользовались вражеские элементы, которые распускали слухи о поражении восстания в Москве. Члены штаба Красной гвардии начали анархические действия, подрывали власть ревкома.

Штаб самовольно, без разрешения ревкома и без соответствующих документов, реквизирует у торговцев несколько пудов изюма и другие продукты. Барышников потребовал от штаба прекратить самочинные реквизиции, обыски и аресты. В ответ штабисты Самейт, Шатилов и другие пустили слух, будто бы Барышников и некоторые члены ревкома защищают торговцев и выступают против конфискации вообще. Это была провокационная клевета. Ревком не выступал против конфискации продуктов для Красной гвардии, но требовал, чтобы она проводилась организованно, по ордерам Совета, со строгим учетом всего реквизируемого во избежание хищений и спекуляции.

Штабисты докатились до того, что обвинили Барышникова и других членов ревкома в предательстве. Самейт потребовал расстрелять Барышникова и других «оппортунистов». Анархистующий штаб попытался взять власть в свои руки. По его приказу был занят комиссариат, разоружены милиционеры, арестованы помощники начальника милиции Буханов и Образцов. Мятежники заняли все входы и выходы у здания Совета.

Узнав о случившемся, Барышников с членами ревкома явился в комиссариат. Там в это время митинговали. Выслушав обвинения, председатель ревкома взял слово:

— Штаб ведет преступную игру и поплатится за

это. А вы идете на поводу у провокаторов. Каждый, кто дезорганизует силы пролетариата в момент восстания, льет воду на мельницу контрреволюции. Предлагаю сложить оружие и не доводить дело до кровопролития...

Мятежников разоружили, их главарей арестовали. Вскоре осуществилось желание красногвардейцев оказать помощь рабочим Москвы в борьбе за Советскую власть.

Вечером 29 октября Барышников получил депешу из Окружного комитета партии о немедленной отправке в Москву отряда красногвардейцев. Отобрали сто коммунистов, самых надежных и верных.

Узнав об отправке отряда, женщины атаковали Барышникова, требуя взять их тоже.

— Не приспособлен женский организм к войне,— попытался отшутиться Владимир Архипович.

Работницы возмутились, и их требования стали еще настойчивее.

— Всем дела хватит,— успокаивал их Барышников.— Для победы над юнкерами нужны опытные бойцы, а многие из вас еще винтовку в руках не держали. Вот пройдете военную подготовку — и отправитесь с другим отрядом.

Уговорив женщин, Барышников вызвал Петракова и приказал ему:

— Стрелой мчись на вокзал, обеспечить вагоны и паровоз!

Железнодорожное начальство, зная, куда направляются красногвардейцы, заартачилось. Петраков обратился к коммунистам-железнодорожникам.

— Не беспокойся,— заверили они,— в полночь вагоны и паровоз будут на путях.

Выехали ночью и через несколько часов прибыли в Москву. Связной из штаба, встретивший их на Курском вокзале, отвел отряд в Хамовнические казармы, где красногвардейцев радостно встретили и накормили хлебом и консервами.

В казарму пришел с членами Дорогомиловского штаба Е. М. Ярославский. Он обратился к выстроившимся красногвардейцам с краткой речью, которую закончил словами: «Мы должны победить и мы победим! Таков лозунг партии, таков призыв Ленина».

В час ночи красногвардейцы, вытянувшись в цепочку, пошли по темным улицам Москвы. Накрапывал дождь. Со всех сторон раздавался треск ружейных выстрелов и пулеметных очередей. Над центром, в районе Арбата и Никитских ворот, алели зарева пожаров.

Орехово-зубцам было приказано вместе с красногвардейцами-москвичами занять Дорогомиловский мост, чтобы не пропустить через него офицеров и не дать им занять Брянский вокзал. Приехавших товарищей предупредили, что в этом районе находится 5-я школа прапорщиков.

Подойдя к Брянскому вокзалу, красногвардейцы вступили в бой и после ожесточенной схватки заняли Дорогомиловский мост. Соединившись с солдатами 193-го полка, отряд расположился вдоль цементных барьеров моста.

Под утро к красногвардейцам приехал Е. М. Ярославский. Он рассказал, что юнкера находятся в центре и в Кремле. Задача отряда — не дать им прорваться к вокзалу. Выразив уверенность, что ореховцы с этим делом справятся, Ярославский сообщил, что Барышникова штаб отзывает к себе.

— Уточню обстановку и прибуду в штаб, — ответил Владимир Архипович и склонился над картой. — Смот-

рите, товарищи, на колокольне церкви пулеметы, впереди моста — прапорщики в окопах, в подвалах дома — засада, на крыше — пулемет. Белогвардейцы, судя по всему, попытаются взять мост, пустят броневую автомашину. Натаскайте бревен, чтобы он не смог проехать.

Командовать отрядом остался солдат-большевик И. Я. Сальников. А Барышников, дав советы и проверив боевое расположение бойцов, уехал в штаб. На рассвете бой возобновился.

Выдержав артиллерийский обстрел и отразив несколько атак, красновардейцы отеснили юнкеров. Соединившись с другими частями, отряд пошел вперед. После ожесточенного боя была захвачена школа прапорщиков. Юнкера, прапорщики и офицеры, поднимая руки, сдавались в плен.

Сообщив в штаб о взятии школы и выставив охрану, отряд двинулся к Арбату. Шли, прижимаясь к стенам домов: стреляли с крыш и чердаков. Красновардейцы выламывали доски из заборов, перебегали дворами, поднимались на крыши и подавляли огневые точки.

Выйдя на Арбатскую площадь, рабочие заняли подступы к Александровскому военному училищу. Дружным огнем и стремительной атакой выбили офицеров, которые попытались отступить в сторону Кремля. Пути их были перекрыты и, получив сильный удар в районе Манежа, они в панике разбежались по Александровскому саду. Рабочие и революционные солдаты полностью очистили Кремль от юнкеров и офицеров. Барышников тоже находился в рядах тех, кто штурмовал Кремль.

Это было 3 ноября. А через день, 5 ноября, глава Советского правительства В. И. Ленин, обращаясь к трудящимся России, объявил, что рабоче-крестьянская

революция победила окончательно. «Революция победила и в Москве,— писал Владимир Ильич.— Раньше, чем туда прибыли выехавшие из Петрограда несколько поездов с военными силами...

Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»¹⁰.

Главный враг — голод и разруха

В Москве после победы революции вернулась борьба с буржуазными и мелкобуржуазными партиями, в которой Барышников принял самое активное участие. У него не было времени посетить свой родной город, навестить Машу. И все же в один из ноябрьских вечеров он сумел приехать в Орехово-Зуево. Прямо с вокзала Барышников направился в партийный комитет.

— Что нового в Москве? — спросил его И. В. Бугров.

— Трудный бой пришлось выдержать, Игнатий Васильевич. Меншевики и эсеры потребовали создать однородное социалистическое правительство. Ход понятный: не мытьем, так катаньем хотят своего добиться. Не по нраву им Советская власть во главе с коммунистами. Меншевиков и их подпевал поддерживала группка Зиновьева и такие видные представители Московской большевистской организации, как А. И. Рыков и В. П. Ногин.

Барышников рассказал, что на недавнем совместном заседании Московского комитета, Областного бюро и Окружного комитета партии было выдвинуто предложение образовать в Москве «демократическое правительство» из представителей всех «социалистических» партий. Он, Барышников, решительно выступил против этого предложения. Такую же позицию заняли В. М. Лихачев, М. С. Ольминский, М. Ф. Владимирский, В. Н. Яковлева и другие.

Отстаивая ленинскую линию, совместное заседание дало отпор оппортунистам и приняло постановление: всю власть сосредоточить в Советах, образовать правительственный орган в Москве и Московской области под руководством большевиков.

— Опять не вышло у господ меньшевиков, — улыбнулся Игнатий Васильевич. — И не получится. Я об этом по нашему району сужу. Орехово-Зуевский Совет — это восемьдесят тысяч рабочих. Руководят Советом, а, значит, и трудящимися, большевики. И власти этой народ никому не уступит!

— Власть у нас, это верно, — сказал Владимир Архипович. — И употребить ее в первую голову надлежит на восстановление промышленности. Ты учти, Игнатий Васильевич, новые трудности наши. Раньше чуть что не так, рабочие объявляли забастовку. Сейчас забастовки на руку лишь врагам нашим. А не все еще поняли это. Бедны мы очень, а страну ждут большие испытания. Контроль и учет такой надо завести, чтобы каждый метр ткани, фунт пряжи пошли в дело.

Потребовалось время, чтобы заработали станки и машины на фабриках и заводах. Почувствовав себя хозяевами, рабочие установили контроль над производством и потреблением. Фабриканты не могли вывезти с фабрик ни одного метра ткани без разрешения рабочей контрольной комиссии.

В конце ноября приехала из Петрограда делегация ликинских текстильщиков. Председатель Ликинского Совета С. И. Морозкин, рабочий-прядильщик, по приезде сразу зашел в Московский окружной комитет к Барышникову:

— Помогай, Владимир Архипович, фабрику пускать. Нас в Питере сам Владимир Ильич принял и беседу вел. А потом и декрет за его подписью вышел о передаче фабрики в собственность народа. Вот и пришел я к тебе с такой просьбой...

— Повремени малость с просьбой,— перебил его Владимир Архипович,— расскажи сначала, как в Петроград ездили, что Владимир Ильич сказал.

— Поехали мы в Питер без особой надежды. Сам знаешь, чего от Временного правительства ждать, если хозяин наш, Смирнов, там свой человек. Пока добирались, революция произошла и Временное правительство приказало долго жить. Новая власть внимательно к нам отнеслась. Приняли нас сначала в Народном комиссариате труда. Там написали докладную в Совет Народных Комиссаров. А потом нас принял Ленин. Поздоровались, усадил он нас. Достал я все наши документы, подаю Ильичу и говорю:

— Из Орехово-Зуева мы, товарищ Ленин, с Ликинской мануфактуры. Приехали просить вас отдать фабрику в управление рабочим.

Владимир Ильич переспросил:

— Фабрику в управление рабочим?! Да ведь это замечательно. Все надо брать, и чем скорее, тем лучше. За злостный саботаж постановлений Советской власти мы немедленно отберем у капиталистов фабрику в собственность Советского государства и отдадим в управление самим рабочим.

Потом состоялось заседание Совета Народных Комиссаров, и Владимир Ильич подписал декрет о на-

ционализации Ликинской фабрики... Теперь в ход ее надо поскорее пустить, и без помощи ореховцев нам не обойтись. Помнишь, как вы помогли ликинцам в сентябре?

Да разве мог забыть те дни Барышников... Когда в августе 1917 года С. А. Смирнов закрыл свою фабрику, четыре тысячи ликинских текстильщиков увидели страшное лицо голода.

Куда ни обращались рабочие, нигде не находили поддержки. Ездили в Москву и во Владимир — безрезультатно. Отвечали везде одинаково: всюду голодают, ничем помочь нельзя. Владимирский продовольственный комитет, в котором засели меньшевики и эсеры, перестал отпускать рабочим Ликинской фабрики продовольствие.

Владелец фабрики был неумолим и не соглашался пустить в ход предприятие. Он не уступал рабочим, несмотря на вмешательство в конфликт Московского Совета. Смирнов знал свою силу: он был председателем Московского военно-промышленного комитета и государственным контролером Временного правительства. Ликинским текстильщикам оставалось одно — просить помощи у своих товарищей-рабочих...

В сентябре 1917 года тысячи ликинцев двинулись пешком в Орехово-Зуево. Женщины несли на руках детей. Такое не забывается. Барышников смотрел на сидящего перед ним Морозкина, а видел тысячи участников «голодного похода».

Потом у Зимнего театра был митинг. Большая площадь между театром, казармами, часовой башней и конным двором была запружена народом. На митинге выступили он, Морозкин, Бугров. Потом на трибуну поднялась его жена, Мария Барышникова. Она говорила со слезами на глазах:

— Товарищи, к нам пришли за помощью ликин-

ские рабочие. Наши братья и сестры бросились к нам в объятия. Они голодают, и мы протянем им братскую рабочую руку. Давайте отдадим голодающим рабочим свой дневной заработок!

Все согласились с предложением ткачихи. Многие плакали. Когда митинг окончился, ореховцы разобрали участников похода по казармам, напоили, накормили и почти каждому дали по свертку с хлебом, картошкой, огурцами.

Это было в сентябре. А теперь, всего два месяца спустя, фабрика стала народной.

Пустить ее оказалось делом нелегким. Не хватало сырья, плохо было с топливом: по наущению бывшего хозяина много дров ушло на сторону. Рабочие несколько месяцев не получали зарплат, а в кассе имелось всего 548 рублей 32 копейки.

Московский областной Совет помог предприятию деньгами и впервые почти за четыре месяца рабочие получили авансом от своего правления по 30 рублей. Вскоре на станцию пришли вагоны с углем и цистерны с мазутом. В декабре Ликинская фабрика заработала.

Казалось, все беды, какие есть на земле, обрушились на первое в мире рабоче-крестьянское государство. Самым страшным врагом революции был голод.

Тогда всюду было голодно, в Орехово-Зуеве особенно. В конце 1917 года Орехово-Зуево вошло в состав Московской губернии. Получилось так, что Владимир, губернский город, в конце декабря перестал отпускать продукты для Орехово-Зуева, а Москва зачислила город на довольствие лишь в конце января 1918 года. В течение всего января в Орехово-Зуево не поступило ни одного пуда хлеба и других продуктов.

Большинство рабочих, понимая сложность поло-

жения, терпело. Враждебные элементы попытались использовать продовольственные трудности в своих целях.

26 января группа рабочих фабрик Викулы Морозова, подстрекаемая сторонниками старого режима, прекратила работу и пришла к Совету. Толпа окружила здание, шумела. Какой-то подвыпивший босяк забрался на ящик и закричал:

— Товарищи-граждане! Наши выборные ничего для нас не делают, обманывают рабочих. Разогнать их всех надобно, а продовольственное дело передать ореховским купцам Штанникову, Пухову и Маслову. Тогда и хлебушек в лавках появится.

Толпа загудела. Раздались выкрики: «Разогнать Красную гвардию!», «Давай сюда Барышникова, мы с ним поговорим!»

Барышников вышел на крыльцо, снял потертую солдатскую шапку и, подняв руку, потребовал тишины, чтобы начать говорить. В это время из толпы выбежал здоровый краснощекий мужик, вырвал из его рук шапку и нахлобучил ее на голову Барышникову:

— Барин может простудиться!

Говорить не дали, подступили вплотную, размахивая кулаками. От многих несло винным перегаром. Товарищи прикрыли Барышникова, оттеснили от него горлопанов.

Часть хулиганов ворвалась в Совет. В комнате с вещественными судебными доказательствами они распили реквизированный самогон, освободили из арестантского помещения преступников, вскрыли шкаф с винтовками. Раздались выстрелы. На стрельбу прибежали рабочие, которые справились с погромщиками.

Прекратив беспорядки, большевики собрали рабочих в Зимнем театре. Перед началом собрания к Владимиру Архиповичу подошло несколько женщин.

— Ты на нас зла не таи,— сказала самая старшая из них,— рабочие уважают тебя. Только коты (так в Орехово-Зуеве называли бродяг, опустившихся людей.— А. К.) могли поднять руку на председателя ревкома.

Началось собрание. Горячо и долго говорил Бугров, а когда потерял голос, его заменили другие ораторы. Решение приняли краткое: «Всех виновников погрома арестовать и применить к ним самые суровые меры».

Меры мерами, а людям голодно. Совет послал рабочих в хлеботорговые губернии за продовольствием. Для детей открыли десять детских домов, наладили питание в городских столовых.

Барышникову, Бугрову и их товарищам не хватало времени, чтобы справиться с уймой неотложных дел. Их днем и ночью можно было встретить на фабриках, в пекарне, казармах, бане, детских домах. Все их касалось, беспокоило, волновало. Такие уж были они — привыкли за каждое дело браться горячо, доводить его до конца.

В январе 1918 года Владимира Архиповича Барышникова назначили заместителем председателя Московского губисполкома и губернским комиссаром труда. Его избрали делегатом на Пятый всероссийский съезд Советов. Он слушал отчетные доклады ВЦИКа и Совнаркома, с которыми выступали Я. М. Свердлов и В. И. Ленин, утверждал первую советскую Конституцию, голосовал за постановление об организации Красной Армии.

На Пятом съезде Советов В. А. Барышникова избрали членом ВЦИК. Но мирными, хозяйственными делами заниматься ему не пришлось. В стране развертывалась гражданская война.

Реввоенсовет нас в бой зовет!

Летом 1918 года главным фронтом был Восточный. Захватив часть территории Поволжья, Урала и Сибири, белогвардейцы и мятежный чехословацкий корпус создали мощный плацдарм для наступления на Москву. ЦК РКП(б) в конце июля разработал конкретные меры по укреплению Восточного фронта.

По призыву Центрального Комитета первыми на защиту революции уходили коммунисты. Московская городская партийная конференция 30 июля 1918 года постановила в трехдневный срок взять на учет и направить на фронт всех партийных работников, имевших в прошлом командирский опыт.

Члена ВЦИК В. А. Барышников мобилизовали на Восточный фронт во время чехословацкого наступления. Перед отъездом в армию он поехал в Орехово-Зуево попрощаться с женой и сыном. Разговор с Машей принял неожиданный для него оборот.

— Ты теперь тоже член партии,— обнимая жену, сказал Владимир Архипович,— и понимаешь, что в такое время я не могу не быть на фронте. Береги сына и себя, Машенька!

— А я тоже поеду на фронт, Володя. Не как жена комиссара, а как сестра милосердия. Сына оставлю у родных.

— Постой, постой, что же это получается! Да и как я возьму тебя с собой?

— Конечно, лучше бы нам вместе служить. А не выйдет, поеду одна. Направление уездного комитета партии у меня на руках.

Зашел, узнав о проводах друга, И. В. Бугров.

— Две трети всей партийной организации уходит на фронт,— сообщил он Владимиру Архиповичу.— А меня вот не взяли. Возраст, говорят, не тот, уже за пятьдесят, и сердце плохое. Будто здесь с моим сердцем легче управляться...

На Восточном фронте Барышников был сначала комиссаром небольшой части, потом — бригады. Вместе с ним на фронте была его жена, которая через некоторое время, получив известие о тяжелой болезни сына, вернулась в Орехово-Зуево.

Из армии Барышников был отозван в Москву. Сразу по приезде в столицу, комиссар выступил 4 октября 1918 года на заседании Московского областного комитета РКП(б) с докладом о положении на фронте.

Владимир Архипович рассказал о боях, поделился опытом партийно-политической работы. Не скрывая от своих товарищей всех трудностей, он сказал, что на фронте произошли большие перемены к лучшему:

— Когда я прибыл на фронт, это было в июле месяце, мне приходилось видеть разложение в некоторых красноармейских частях. Поговорив с людьми, разобравшись в обстановке, я понял причины этого. Красноармейцы не имели ясного понятия о целях борьбы и задачах Советской республики, отсюда — распушенность и бегство с фронта. Два с половиной месяца борьбы с мятежными чехословаками и белогвардейцами, пополнение армии сотнями коммунистов, приехавших из Питера, Москвы и других революционных городов, присылка политической литературы и большевистских газет, большая воспитательная работа не прошли даром. Армия стала проникаться классовым сознанием, духом революционного коммунизма. Если сейчас нами взяты Казань, Симбирск, Сызрань, то в ближайшие дни будут освобождены Самара и другие города.

Нельзя не отметить, что из некоторых полков во время боев было много наших товарищей-коммунистов. Выбывших надо заменить новыми ротами бойцов, новыми товарищами из революционных центров.

Я уверен, что в ближайшие месяцы мы создадим непобедимую армию мировой революции.

Осенью 1918 года Красная Армия предприняла наступление на Южном фронте, которое было сорвано по вине ставленников Троцкого — помощника командующего Южным фронтом Носовича и начальника штаба Ковалевского.

Еще летом Носович и Ковалевский, находясь в Царицыне, подверглись аресту как белогвардейские шпионы. По настоянию Троцкого их не только освободили из-под стражи, но и поставили во главе Южного фронта.

Предатели систематически информировали Краснова о передвижении частей Красной Армии, а накануне советского наступления Носович с подробными материалами о дислокации красных войск и оперативными планами перебежал к белогвардейцам. Полученные сведения позволили белым произвести контрудар, сорвать наступление войск Южного фронта и нанести им поражение.

Белые заняли Бобров, Лиски, Новохоперск. Деморализованные бойцы 8-й и 9-й армий беспорядочно отступали. Развал и дезорганизация этих армий могли иметь самые тяжелые последствия для Советской республики.

«...Никогда опасность самому существованию Советской Республики не была так грозна и близка, — говорилось в Циркулярном письме Центрального Комитета ко всем членам партии — комиссарам, команди-

рам и красноармейцам,— как в настоящий момент. Именно в ближайшие недели наша армия обязана развернуть наивысшую энергию наступления на всех фронтах, прежде всего на Южном»¹.

По указанию Центрального Комитета партии на укрепление Южного фронта послали большую группу коммунистов Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и других центральных районов страны. Барышников получил назначение членом Реввоенсовета 9-й армии. При выдвижении на этот пост Центральный Комитет учел его организаторские способности, проявившиеся в период подавления выступления юнкеров в октябрьские дни в Москве. Инициативным, способным комиссаром части показал себя Барышников и на Восточном фронте летом 1918 года.

В октябре В. А. Барышников прибыл в армию и написал свой первый приказ: «Будучи назначен членом Реввоенсовета заведовать политическим отделом IX армии, я с 17 октября сего года вступил в исполнение своих обязанностей, о чем объявляется по отделу»².

Реввоенсоветы возникли в середине 1918 года, в тот переломный момент, когда Красная Армия переходила от добровольных формирований, главным образом отрядного типа с большой долей партизанщины и местных настроений, к массовым регулярным частям на основе обязательной воинской повинности трудящихся.

Процесс формирования регулярных частей шел непосредственно на полях сражений с врагом, и члены Реввоенсоветов армий и фронтов возглавили его. В этом заключалась первая историческая роль комиссаров.

Трудным был переход от полупартизанских отрядов к регулярным частям. Люди отвыкли от дисципли-

лины, не сразу налаживался контакт между комиссарами и командирами.

Прибыв в армию, Барышников огляделся, познакомился с людьми и окунулся в работу, которой было непочатый край. Все касалось комиссара, во все он должен был вникать.

Комиссаров в то время называли всевидящим оком партии, они были призваны организовывать работу всех учреждений в армии, знать настроение бойцов, вовремя устранять причины недовольства. Перед боем комиссары старались побывать во всех частях, узнать настроение красноармейцев и командиров, разъяснить задачу, поднять боевой дух. В бой они шли со всеми вместе, показывая пример мужества. Затихал бой, комиссары снова были в частях. Выступали с докладами, заботились о досуге бойцов, проводили партийные собрания. Не мог забыть комиссар и о работе среди местного населения, в окружении которого действовала армия. Приходилось вести пропаганду и среди солдат противника.

Мог ли управиться со всеми этими делами член Реввоенсовета и немногочисленный штат политотдела? Конечно, нет. Эта задача была по силам лишь всем коммунистам, находившимся в частях и соединениях. В короткий срок Барышников создал во всех частях партийные организации, равномерно распределил коммунистов по полкам, батальонам, ротам, добился регулярного проведения партийных собраний и конференций.

Авторитет комиссаров рос. Выступая весной 1919 года на армейской конференции, В. А. Барышников смело заявил:

— Все строительство Красной Армии наглядно подтвердило, что институт военных комиссаров жизненно необходим. Безграничное доверие, которое он

завоевал своей работой, свидетельствует о громадном авторитете Коммунистической партии, пославшей свои лучшие силы в качестве комиссаров³.

Находясь на фронте, Владимир Архипович поддерживал связь с рабочими Подмосковья, которые пополняли московский губернский полк и другие части 9-й армии, и нередко опирался на них в проведении партийно-политической работы.

В декабре 1918 года, будучи в Москве, комиссар заехал в Орехово-Зуево. Он привез своим землякам подарок от красноармейцев 9-й армии — шесть вагонов муки. Владимир Архипович выступил на заседании Совета с докладом о текущем моменте.

После этого ему еще лишь однажды довелось побывать в родных краях.

Как вспоминает член КПСС с 1912 г. М. И. Петраков, в начале лета 1919 года в районе Сретенского бульвара он повстречал Владимира Архиповича. На лице Барышникова Петраков заметил необычное возбуждение, причем это возбуждение было не тревожным, а скорее радостным. Михаил Иванович хотел спросить товарища, что с ним произошло, но Владимир Архипович сам начал рассказывать, что по решению Центрального Комитета партии его назначили членом Реввоенсовета 8-й армии и он проходит специальный инструктаж. Рассказал он о своей встрече с вождем.

После того как члены Оргбюро ЦК РКП(б) утвердили Барышникова членом Реввоенсовета 8-й армии, Владимир Ильич пригласил его в свой кабинет. Поговорив с ним о положении на Южном фронте, В. И. Ленин сказал:

— Вы, Владимир Архипович, из рабочих, неплохо

образованы марксистски, большевик, работали в армии. Вас знают и вы, несомненно, справитесь с новой ответственной работой. Вы ведь из Орехово-Зуева?

— Оттуда, Владимир Ильич.

— В Орехово-Зуеве был и знаю рабочих. Хороший народ!

Сказав эти слова, Ленин задумался. Может быть, вспомнилась ему осень 1895 года. Вернувшись из-за границы, он, не заезжая в Петербург, посетил той осенью Вильну, Москву и Орехово-Зуево.

Как и предполагал Владимир Ильич, Орехово-Зуево оказалось чисто фабричным городком с многочисленным населением, только и живущим фабрикой. Такие города часто встречались в Центральном промышленном районе. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол на рабочих и буржуазию — самый резкий.

И вот теперь перед ним представитель орехово-зுவского пролетариата, один из его организаторов, член губисполкома и ВЦИК. Такие, как он, управляют теперь городами, всей Россией. И, конечно, он справится, не отступит от линии партии.

А может быть, вспомнился Владимиру Ильичу тревожный июль 1918 года, когда левозеровские мятежники прорвались из Москвы на Нижегородское шоссе и направились в сторону Богородска и Орехово-Зуева. Ленин послал тогда в Орехово особоуполномоченного, который вскоре сообщил ему о принятых мерах. Партийная организация мобилизована по тревоге, выставлены дозоры и секреты. Все фабрики, станции и дороги охраняются. Ленин попросил передать благодарность партийной организации за предусмотрительность, сказав при этом, что с такой энергичной и креп-

кой организацией победа пролетарской революции обеспечена.

Владимир Ильич поднял голову и, прощаясь, повторил:

— Уверен, что вы справитесь, товарищ Барышников!

Комиссара ждала большая и трудная работа: с июля 1919 года Южный фронт сделался главным. На Восточном фронте Красная Армия добилась перелома, на юге положение оставалось тяжелым. В одной из листовок того времени говорилось: «Уже не до Волги теперь Колчаку! Еще один-два удара, и Колчак будет разбит и побежит он за Урал. А за Уралом встретит он гнев сибирских рабочих и крестьян, измученных его владычеством в течение года.

С надеждой оглядывается Восточный фронт на Южный и говорит:

— Поддержи! Удар должен быть дружным и единым на всех фронтах».

К августу Деникин захватил почти всю Украину, а в середине октября 1919 года взял Орел и вышел к Туле. Одновременно белогвардейцы предприняли натиск в сторону Астрахани против 11-й армии. Часть Украины заняли петлюровцы и их союзники.

В. И. Ленин участвовал в разработке и утверждении стратегического плана по борьбе с Деникиным. Он лично проверял ход военных действий и принимал все меры для организации помощи Южному фронту.

В письме ЦК РКП(б) ко всем членам партии, разработанном под руководством В. И. Ленина и разосланном осенью 1918 года, говорилось: «Перед лицом того факта, что красноармейские части Южного в осо-

бенности Воронежского фронта продолжают оставаться совершенно неустойчивыми, безнаказанно покидают позиции, командиры не выполняют боевых приказов,— Центральный Комитет категорически предписывает всем членам партии: комиссарам, командирам, красноармейцам, общими энергичными усилиями вызвать необходимый и скорый перелом в настроении и поведении частей.

Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств. Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную Армию в особенности на Южном фронте... Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным.

Все части Красной Армии должны понять, что дело идет о жизни и смерти рабочего класса, и потому никаких послаблений не будет. Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: победа или смерть»⁴.

Восьмая армия, в которую прибыл Барышников, располагалась от станции Тулиново до Боброва и находилась в весьма трудном положении. Деникинцы, имевшие превосходство в силах, продолжали наступать. 2 июля они взяли станции Лиски и Таловую. На другой день Деникин издал так называемую московскую директиву, предусматривавшую переход в общее наступление и захват столицы. 8 июля белые заняли Борисоглебск и Бобров.

Восьмая армия получила мало пополнений: боевые резервы весной отправили на борьбу с Колчаком. Весеннее наступление утомило войска, которые ощущали острый недостаток боеприпасов. В тылу войск Юж-

ного фронта активизировалось антисоветское движение. На борьбу с бандами Григорьева, Махно, с различными националистическими группировками приходилось посылать крупные воинские части.

На выполнение поставленных перед 8-й армией задач отрицательно влияли слишком частые смены командующих. С сентября по ноябрь 1918 года армией командовал В. В. Чернавин, которого сменил бывший полковник старой армии В. М. Гитис. С 26 января по 11 марта 1919 года 8-й армией командовал М. Н. Тухачевский, затем Т. С. Хвесин, В. В. Любимов. Со 2 июля по 12 октября 1919 года должность командарма временно исполнял А. И. Ратайский. Различные стили руководства, естественно, в той или иной мере сказывались на общем состоянии войск.

Сложная обстановка требовала энергичного, оперативного командира, а неудачно выдвинутый из командиров дивизии Ратайский, по словам члена РВС 8-й армии Г. И. Окуловой-Теодорович, был «уже старик, вероятно, очень утомленный. Во время докладов, которые ему делали работники оперативной части, он часто засыпал».

Состоявшийся в июле 1919 года пленум ЦК РКП(б) принял важные решения, направленные на оказание экстренной помощи Южному фронту в борьбе с контрреволюционными силами Деникина. Восьмая армия получила пополнения, в прифронтовой полосе была проведена мобилизация военнообязанных, из Тулы и артиллерийских арсеналов поступили боеприпасы.

Армию ждали большие испытания. Барышников делал все, чтобы выполнить решения Центрального Комитета. Готовилось наступление, и, разъясняя цели его, комиссар большую часть времени проводил в частях, выступал на митингах, беседовал с красноармейцами.

После каждой поездки он принимал экстренные меры по устранению увиденных недостатков.

2 июля Барышников написал следующий приказ ревтрибуналу 8-й армии: «...В Петроградской (2-й) бригаде имеются люди из комсостава и красноармейцев, которые ведут преступную агитацию против Советской власти, чем вызывают отказ со стороны частей выполнять боевые приказы. То же самое имеет место в 109-м и 59-м полках.

Вам надлежит, опираясь на отряд Гофмана, приступить немедленно к отысканию виновных и передаче (их.— А. К.) суду».

Кажется, все. Но комиссар не спешил подписывать приказ. Виновных, конечно, найдут, и они понесут наказание. Но почему они выступили против Советской власти, что заставило их не выполнять боевые приказы?

Комиссар обмакнул перо в чернила и написал: «Вам же поручается расследование причин недовольства, которое часто сопряжено с преступной работой тылов и хозяйственных частей, а также с отсутствием правильной и достаточной партработы»⁵. Вот теперь все верно. Виновники получают по заслугам, будут выяснены причины недовольства, что поможет их устранить. Барышников поставил под приказом свою подпись.

Комиссар разбирался в каждом отдельном случае, доскапываясь до причин происшедшего, принимал экстренные меры по их ликвидации. Побывав во второй бригаде и отправив дезертиров в трибунал, член Реввоенсовета убедился, что боевое настроение бойцов улучшилось. Но он не успокоился. Во время боев было две трети коммунистов, убиты многие политработники. Комиссар перебросил во 2-ю бригаду из

других частей коммунистов и политработников, предоставил бойцам отдых. Через несколько недель информационный бюллетень Реввоенсовета республики отмечал, что во 2-й бригаде 12-й дивизии 8-й армии «революционная дисциплина вводится усиленными темпами».

Воспользовавшись затишьем, наступившим к августу 1919 года в районе расположения 8-й армии, политработники знакомили красноармейцев с решениями VIII съезда партии, проводили перерегистрацию коммунистов.

Часто бывая в полках и ротах, Барышников видел плохое продовольственное и вещевое снабжение бойцов. В отдельных полках около половины красноармейцев не имели обмундирования. Не хватало хлеба, винтовок, патронов, снарядов. А ведь в июне Южный фронт получил в больших количествах боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Интендатские склады в Козлове были забиты, а бойцы ощущали недостаток самого необходимого. Барышникову пришлось заняться доставкой продовольствия, обмундирования, оружия и боеприпасов на фронт.

Вернувшись как-то из расположения частей в штаб, член РВС узнал, что в Воронеж приезжал Троцкий. По приказу Троцкого собрали партийный актив, на котором он выступил с большой речью. Рассказывая по сцене в куртке и брюках из блестящей кожи, поскрипывая лакированными сапогами и ремнями, он говорил и любовался своим красноречием. Говоря о подготовке армии, Троцкий бросил в зал:

— Надо снабжение поставить так, чтобы сапог сам оделся на ногу красноармейца.

Окончив речь, Троцкий отчитал политотдельцев за малочисленную аудиторию и отправился в стоявший на запасном пути специальный состав. Вскоре он

уехал, не побывав на фронте и ничего не сделав для действительного улучшения снабжения армии.

— Говорит красивые слова, а красноармейцы воюют разутыми,— в сердцах сказал Барышников, узнав о выступлении Троцкого.— Он бы в части съездил, с бойцами поговорил.

Барышников не терпел пустой болтовни, любил и уважал людей дела.

«Владимир Архипович,— вспоминает член КПСС с 1917 года Надежда Михайловна Алексеева, работавшая с ним в политотделе 8-й армии,— пробыл в нашей армии недолго, но мы успели полюбить его. Несмотря на высокий пост, который он занимал, Барышников был обходителен и приветлив в обращении со всеми. Внешне он напоминал скорее рабочего, чем командира, носил потертую темную гимнастерку, видавшую виды кожанку и поношенные сапоги. Он располагал к себе политической образованностью, умением вникать в существо каждого дела, которым занимался, большой работоспособностью. Казалось, он неделями обходился без сна и отдыха».

Времени на отдых и не было. На 14 августа намечалось контрнаступление Красной Армии. Противник, узнав через своих агентов, о планах советского командования, за четыре дня до начала контрнаступления бросил конный корпус Мамонтова в рейд по тылам армий Южного фронта.

Корпус Мамонтова, сформировавшийся в районе станции Урюпинской, насчитывал три кавалерийские дивизии, до десяти тысяч сабель и штыков, двенадцать орудий, бронемашин.

10 августа мамонтовцы ударили в стык 9-й и 8-й армий и, прорвав фронт на левом фланге 8-й армии в

районе Новохоперска, вышли в тыл революционных войск и двинулись на Тамбов — важный железнодорожный узел, через который шло снабжение Южного фронта.

Генерал Мамонтов надеялся поднять в тылу революционных войск мятеж против Советской власти. Расчеты его не оправдались. Мамонтовцы грабили деревни, жгли попадавшиеся им на пути склады и обозы, сеяли панику. Население не могло сочувствовать грабителям и насильникам. Вовлечь в мятеж трудовое крестьянство не удалось. Подвижные отряды мамонтовцев появлялись в деревнях и селах и исчезали с такой быстротой, что казались неуловимыми. Пехота не могла настигнуть белого генерала.

В августе белогвардейцы заняли Тамбов, Козлов, Раненбург, Лебедянь, Елец...

В. И. Ленин был чрезвычайно взволнован создавшимся положением, опозданием наступления, крупными успехами Деникина. В письме члену Реввоенсовета республики С. И. Гусеву Владимир Ильич указывал, что Реввоенсовет республики работает плохо, опоздание за опозданием: «Опоздали войска, шедшие с севера на Воронеж. Опоздали с перекидкой 21 дивизии на юг. Опоздали с автопулеметами. Опоздали с связью. Один ли Главком ездил в Орел или с Вами, — дела не сделали...

Видимо, наш РВСР «командует», не интересуясь или не умея следить за *исполнением*. Если это общий наш грех, то в военном деле это прямо гибель»⁶.

Мамонтовский рейд причинил величайший урон. Белоказаки разрушили линии связи, захватили важнейшие узлы коммуникаций, нарушили связь войск со штабами и базами снабжения.

Барышников чаще обычного выезжал в части. Начались дожди, люди мокли и мерзли. По бокам дорог,

которыми он ехал, валялись трупы лошадей, погибших от истощения. Армия то отступала, то наступала. У бойцов, идущих разбитыми дорогами, из башмаков торчали голые, сочащиеся кровью пальцы.

Комиссар выступал в полках и ротах, призывал бойцов к мужеству и самопожертвованию. Не обещал улучшения в ближайшие дни. Красноармейцы знали, что не только они, но и их семьи в тылу голодают и терпят нужду. Но жалоб почти не было. Лишь просили почаще присылать докладчиков и привозить газеты.

Для борьбы с корпусом Мамонтова был образован Внутренний фронт. Постепенно росли его силы, накапливался опыт. 22 августа войска Внутреннего фронта выбили белоказаков из Тамбова, а 26 августа — из Козлова. 3 сентября Мамонтов круто повернул на юг с целью захвата Воронежа и соединения с корпусом Шкуро.

29 августа в штаб Южного фронта была отправлена телеграмма, определявшая дислокацию частей 40-й и 31-й дивизий с указанием на десятиверстке, куда и какой дорогой двигаться частям этих дивизий. Телеграмму подписали врид командарма Ратайский, член РВС Барышников и врид начальника штаба VIII Тарасов⁷. Эта телеграмма оказалась последним документом, подписанным В. А. Барышниковым.

С утра комиссар отправлялся в части. Каждая поездка в то время требовала героизма и бесстрашия. Линия фронта постоянно менялась, связь с войсками была дезорганизована. В тылу армии уже несколько недель свирепствовали мамонтовские банды.

В первых числах сентября Барышников отправился инспектировать войска. Как пишет в своих воспоминаниях работавшая вместе с Владимиром Архипо-

вичем в Реввоенсовете армии Г. И. Окулова-Теодорович, Барышников, врач Бибергаль и сотрудник оперативного отдела Николаев поехали на автомобиле в одну из дивизий. Проехав два-три десятка верст, они заметили солдат, которые издали им усердно козыряли. Приняв их за красноармейцев, они посмеялись — вот, мол, какая дисциплина в нашей армии. В то время на подобное внешнее проявление дисциплины не обращали особого внимания.

Через некоторое время им встретилась другая группа солдат, которые кричали и требовали остановиться. Не подозревая об опасности, шофер остановил машину.

— Господа, вы из какой части? — обратился к ним офицер в блестящих погонах.

Они не успели ответить, офицер заметил красные звездочки на их фуражках и сразу понял, что за «господа» перед ним. Шофер завел машину, но не смог развернуть ее на вязкой от дождя, глинистой дороге. Машину окружили, выволокли из нее Барышникова и его товарищей. Началась расправа. Их избили, раззули и раздели, потом повели в штаб Мамонтова, расположенный в селе Можайском. Начался допрос.

— Кто вы, зачем и куда ехали?

— Я доктор, — ответил Бибергаль, — а они — мои помощники.

— По твоей роже и так видно, что ты еврейский доктор, — пробасил допрашивающий офицер. — Только спутники твои — не помощники. Интуиция никогда меня не подводила: чувствую, что добыли крупную дичь.

Допросы сопровождались истязаниями. Пленных избивали до потери сознания, на ночь связывали всех вместе и бросали на голый пол. Утром развязывали, но они не могли пошевелить отекавшими руками и но-

гами. Днем пленных увозили на линию боя и держали под обстрелом красноармейских частей. Вечером — допросы и избиения. Кормили селедкой, не давая пить.

Владимир Архипович держался твердо, не называл своей фамилии и должности. Он хотел умереть, как Бабушкин, не открыв врагам даже имени своего.

Однажды во время допроса в комнату вошел офицер с очень знакомым комиссару лицом. Посмотрев на него повнимательнее, Барышников признал в нем командира, который служил в штабе их армии и перебежал к белым. Офицер пристально, с головы до ног оглядел комиссара и уверенно сказал:

— Это Барышников, член Реввоенсовета восьмой армии, красный комиссар. Он не только политработник, но и член ВЦИК, один из большевистских комиссаров Совдепии.

Через несколько дней после опознания пленного комиссара генерал Мамонтов прислал в штаб 8-й армии письмо: «В пресловутое кольцо, которым вы хотели окружить нас, попал, как кур во щи, ваш товарищ Барышников. Я согласен освободить его за соответствующую компенсацию (конечно, не денежную)». Далее следовали условия освобождения Барышникова, указывалось, когда и где должна состояться встреча парламентариев.

Командование армии тотчас отправило в установленное место своего парламентария с ответом, в котором сообщалось, что на обмен пленных командование согласно и запрашивает Москву, кто из белых может быть освобожден в обмен на Барышникова и его товарищей. Случилось так, что парламентар не смог доставить ответ штаба генералу Мамонтову и причины этого до сих пор неизвестны. Второго парламентария послать не удалось, так как указанный Мамонтовым пункт был уже потерян белыми.

Прошло больше месяца и вдруг совершенно неожиданно в штаб армии вернулся сотрудник оперативного отдела Николаев, попавший в плен вместе с комиссаром. Его тело носило следы жестоких побоев. Николаев рассказал, что Мамонтов, не получив ответа от красных, отпустил его с поручением передать условия освобождения Барышникова. Но Николаев был так избит, что с трудом добрался до ближайшей деревни и там упал, потеряв сознание. Его спрятала крестьянка и скрывала до прихода в деревню красных.

К моменту возвращения Николаева штаб армии получил новое письмо Мамонтова, в котором он нагло писал, что снимает все свои предложения относительно освобождения Барышникова, так как в самое ближайшее время весь штаб 8-й армии будет в его руках.

Красные в это время потерпели несколько поражений и временно сдали Воронеж. По воспоминаниям О. А. Миткевич, начальника политотдела 13-й дивизии 8-й армии, Мамонтов предъявил ультиматум: «Мы пропустим всю армию, только сдайте нам оружие, выдайте всех комиссаров и евреев»⁸.

Положение усугубилось предательством начальника штаба армии, бывшего полковника царской армии Вдовьева-Кабардинцева. Он переметнулся к белым, захватив с собой ценные документы, из которых противник узнал самые подробные и свежие данные о 8-й армии и некоторые сведения обо всем Южном фронте. И все же надежды белого генерала взять в плен штаб армии, не говоря о других, более заманчивых и радужных, не сбылись.

В самом начале мамонтовского прорыва находившийся на Южном фронте член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов послал телеграмму председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину. По его мнению,

единственным препятствием мамонтовскому рейду мог стать хорошо вооруженный конный корпус.

Вскоре конный корпус С. М. Буденного получил ответственной задачей: настигнуть и разбить войска генерала Мамонтова. В конце сентября буденновцы выступили в поход на поиски врага.

Мамонтов, не желая встречаться с красной конницей, ускользал от боя. Буденному стало известно, что Мамонтов соединился с генералом Шкуро и укрепился в Воронеже. Конармейцы подошли к Воронежу осенью. Дожди сделали труднопроходимыми дороги. Войск у Буденного было меньше, чем у белогвардейцев. Командир красных конников решил выждать.

Однажды в плен к буденновцам попали два белогвардейца. Буденный освободил их и направил в Воронеж с поручением передать письмо генералу Шкуро. В письме белому генералу сообщалось, что Буденный прибывает в Воронеж 24 октября, и предлагалось построить все контрреволюционные силы на площади для сдачи оружия.

Бои под Воронежем шли тяжелые. Однако 24 октября, в срок, назначенный С. М. Буденным, город был взят красными конниками. Потерпев поражение под Воронежем, Орлом и Кромами, деникинцы пытались разбить конный корпус красных в районе Касторной. Но и здесь успех сопутствовал коннице Буденного. Получив сокрушительный удар под Касторной, белые отступили по всему фронту.

«После того, как Мамонтов очистил занятую им территорию,— вспоминает Г. И. Окулова-Теодорович,— мне пришлось быть в тех селах, где останавливался его штаб, и я старалась узнать о судьбе наших товарищей. Говорили, что доктор Бибергаль, как еврей, скоро был расстрелян белыми, а Барышников, как заложник, был увезен в тыл»⁹.

Комиссары не умирают

Комиссара казнили на рассвете. Враги избили его, вырезали на спине ремни и звезды. Ослаб он телом от нечеловеческих мук, но духом был тверд. С презрением смотрел Барышников на палачей и, не выдерживая его взгляда, они отводили глаза. Казалось, им, а не комиссару, грозила смерть.

Дрожали руки у палачей, спокоен был Барышников. Когда его ввели на деревянный помост, он увидел пленных красноармейцев и крикнул им:

— Не сдавайтесь, товарищи! Не соглашайтесь на переговоры! Все равно белым крышка!

И, как бы в подтверждение этих слов, вдали прогрохотала орудийная канонада: красные шли в наступление.

Барышников стоял у виселицы и смотрел на розовый восход. Говорят, в предсмертные минуты человек мысленно перелистывает страницы своей жизни. О чем думал он, измученный, в ранах и кровоподтеках, в последние мгновения своей жизни?

Может быть, вспомнилась ему весна 1919 года, встреча и недолгая беседа с Владимиром Ильичем, сказанные Лениным слова: «Я уверен, что вы справитесь...» Эти слова теперь стучали в его голове: справиться, выдержать.

Мысленно прощался с женой, сыном и братом Алексеем, с которыми уже не суждено ему встретиться. Прощаясь, верил в них. И не ошибся. Они так же, как комиссар, были преданы делу революции, до конца отстаивали ее...

Мария Петровна Барышникова, жена комиссара, получив печальную весть, оставила сына у родных и

уехала сестрой милосердия на Польский фронт. Она погибла в 1920 году.

Всего на год пережил своего младшего брата Алексей Архипович Барышников. Он участвовал в боях за установление Советской власти, был направлен в Уфимскую губернию для изъятия хлеба у кулаков. Возвращаясь в Москву, заболел тифом и умер в 1920 году.

Сын, Дмитрий, после смерти родителей рос в семье двоюродного брата Александра Алексеевича Барышникова, члена партии с 1917 года. В 1941 году Дмитрий защитил диплом в Московском энергетическом институте. Грянула война с немецко-фашистскими захватчиками, и первого августа 1941 года он уехал на фронт. Сын комиссара, инженер-радист Дмитрий Владимирович Барышников пал смертью храбрых в 1945 году, незадолго до победы...

Комиссара казнили на рассвете. Он не позволил палачам завязать ему глаза и смотрел на восходящее солнце. Вдали гулко ухала красная артиллерия, как бы возвещая наступление нового дня. В новую жизнь вступала страна, которой Барышников служил верно и честно.

То осеннее утро было последним в жизни комиссара. Он знал: революция победит. А победа не дается без жертв. Комиссар знал дорогую цену борьбы и победы. Он видел, как умирали большевики в тюрьмах и ссылках, на маевках и баррикадах, в боях, от туберкулеза, тифа, пуль и казачьих клинков. Он не раз смотрел в лицо смерти.

Владимир Архипович любил жизнь и хотел жить. Но, умирая, знал, что дело, ради которого он жил и боролся, продолжат миллионы и десятки миллионов рабочих и крестьян. Они будут бороться до тех пор, пока не победят.

Владимиру Архиповичу было тридцать лет, когда он ушел из жизни. Ушел в бессмертие. Половина из этих тридцати были отданы борьбе, партии большевиков. Призванный революцией, он стал коммунистом в 1905 году и до последней минуты своей был стойким и мужественным ее бойцом.

Полтора десятка лет — мгновение в вечности, но то были годы, которые потрясли и перевернули мир — это три революции, ссылки и тюрьмы, побеги и кропотливая работа, баррикады и вооруженное восстание, это поднятые к новой жизни миллионы людей.

Есть в Орехово-Зуеве район, который по старинке называют Пролетарским. Район фабрик и рабочих казарм, где начиналась трудовая и революционная история Орехово-Зуева. Кирпичные стены этих старинных зданий многое повидали на своем веку. Они помнят Морозовскую стачку, бурные дни первой русской революции, грозную осень 1917 года.

Здесь, в районе фабрик и бывших рабочих казарм, возвышается, окруженный зеленью деревьев и цветов, памятник комиссару. Рядом — Зимний театр, где часто звучал голос руководителя ореховских большевиков. Недалеко — тридцатая казарма, на сушилке которой в памятном 1905 году его приняли в партию.

Памятник комиссару отлили металлисты механического завода имени Барышникова в 1923 году. На открытии памятника выступал Петр Анисимович Моисеенко, руководитель Морозовской стачки, один из первых рабочих-революционеров России. Он говорил о народном счастье, за которое боролся Владимир Архипович и до которого не довелось ему дожить, о том, что грядущие поколения будут идти по стопам

борцов, которые жили, боролись и погибали за революцию, за власть Советов.

Волевое, отлитое в бронзе лицо. Большой лоб, густые усы, твердый взгляд немигающих глаз.

Барышников был в числе первых большевиков пролетарского Подмосковья. Немного их насчитывалось тогда в городе Морозовской стачки. Ныне в партийной организации Орехово-Зуева,— города, где родился и вырос Владимир Архипович, более семнадцати тысяч коммунистов. А Московская областная организация коммунистов, одним из руководителей которой в период Октябрьской революции был В. А. Барышников, состоит более чем из 350 тысяч членов партии.

Давно прошли времена, когда Россией управляли Романовы, а Орехово-Зуевом — фабричная контора Морозовых. Рабочие составляют большинство в городском и областном Советах. Ореховские текстильщицы П. И. Голубева, М. М. Волкова, Е. Д. Печникова, К. А. Кувшинова и другие избирались депутатами Верховных Советов РСФСР и СССР. А первым председателем городской управы и первым членом высшего исполнительного органа советского государства от Орехово-Зуева был В. А. Барышников.

Первым всегда трудно. Незнакома дорога, опасности подстерегают на каждом шагу. Но, не зная страха, идут они впереди, прокладывая и указывая путь другим. За это их помнят и чтят. Именем В. А. Барышникова названы улицы, пионерские отряды, завод.

Комиссары не умирают. Они живут в памяти народной.

Примечания

Вступление

¹ «Девятый съезд РКП(б). Протоколы». Госполитиздат, 1960, стр. 12.

² «Правда» № 273, 5 декабря 1919 г.

Буду таким, как он

¹ «Искра» № 9, 1901 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 81.

Стачка

¹ «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». Госполитиздат, 1955, стр. 88.

² Там же, стр. 88—89.

³ Там же, стр. 107—108.

⁴ Архив Владимирского жандармского управления, 1905 г., дело № 55.

⁵ Е. Горячева. Годы моей юности. «Московский рабочий», 1968, стр. 63.

⁶ Владимирский областной архив, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1893, л. 2.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, ед. хр. 1717, л. 16.

¹⁰ Там же, л. 15.

¹¹ Там же, л. 20.

Побег из ссылки

¹ Путь в ссылку и побег описаны по воспоминаниям Нарымца — псевдоним ореховского рабочего Кузьмы Малышева, члена РСДРП, отбывавшего ссылку вместе с В. А. Барышниковым. «Братская могила», вып. 2. М., 1923, стр. 34—40.

По заданию «окружки»

- ¹ И. А. Козлов. Жизнь в борьбе. «Московский рабочий», 1965, стр. 428—429.
² ЦГА Москвы, ф. 131, оп. 72, ед. хр. 144, т. 2, л. 139.

«Николаевский университет»

- ¹ ЦГА Москвы, ф. 131, оп. 72, ед. хр. 144, т. 1, л. 54.
² ЦГАОР СССР, ф. МОО, 1910 г., оп. 18, ед. хр. 409, лл. 13—14.
³ «Старая и новая Даниловка». М., 1940, стр. 124.

Побеждает тот, кто наступает

- ¹ «Правда» № 273, 5 декабря 1919 г.
² «Правда» № 31, 26 (13) апреля 1917 г.
³ «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы». Госполитиздат, 1958, стр. 126.
⁴ «За власть Советов». «Московский рабочий», 1957, стр. 412.
⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», изд. 7, ч. 1. Госполитиздат, 1954, стр. 376.
⁶ «Известия Орехово-Зуевского Совета» № 18, 1917.
⁷ «Октябрь в Москве». «Московский рабочий», 1967, стр. 290.
⁸ «Правда» № 273, 5 декабря 1919 г.
⁹ См. «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.). Документы и материалы». М., изд-во АН СССР, 1962, стр. 153.
¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 65—66.

Реввоенсовет нас в бой зовет!

- ¹ Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 45.
² ЦГАСА, ф. 192, оп. 2, д. 204, лл. 1—2.
³ Там же, д. 329, л. 113.
⁴ Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 45.
⁵ ЦГАСА, ф. 191, оп. 1, д. 17, л. 177.
⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 50.
⁷ ЦГАСА, ф. 100, оп. 2, д. 52, л. 65.
⁸ «Герои Октября». «Московский рабочий», 1967, стр. 267.
⁹ «Этих дней не смолкнет слава». Госполитиздат, 1958, стр. 61.

СОДЕРЖАНИЕ

Буду таким, как он	6
Конторский мальчик	23
Стачка	32
Побег из ссылки	54
По заданию «окружки»	63
«Николаевский университет»	71
Побеждает тот, кто наступает	80
Главный враг — голод и разруха	112
Реввоенсовет нас в бой зовет!	119
Комиссары не умирают	138
Примечания	142

Коновалов Афанасий Дмитриевич

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ
М. «Московский рабочий». 1971
144 с. ЗКП1(092)

Редактор *А. Спицына*

Художник *Н. Симагин*

Художественный редактор *А. Титова*

Технический редактор *Л. Маракасова*

Корректор *Л. Шандарина*

Издательство «Московский рабочий»,
ул. Куйбышева, 21.

Л104263. Подписано к печати 15/X 1970 г. Формат
бумаги 70 × 108¹/₃₂. Бум. л. 2,24. Печ. л. 6,65. Уч.-
изд. л. 6,37. Тираж 50 000. Тем. план 1971 г. № 31.
Цена 21 коп. Зак. 3637.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

21 коп.

